

ПЕРЕПИСКА ФЕТА и М. Н. ХАРУЗИНА (1881—1883)

Публикация С. А. Ипатовой

Корреспондент и знакомый Фета — Михаил Николаевич Харузин (1859—1888), правовед, фольклорист, этнограф, антрополог, родился в Москве в купеческой семье. Его отец — Николай Иванович Харузин (1830—1880), купец I гильдии (суконная торговля), выходец из Сибири — состоял в дружеских и деловых отношениях с московскими купеческими семействами Боткиных, Третьяковых, Прохоровых, Щукиных, Алексеевых, Милютиных, что создавало определенное окружение и уровень нравственной и культурной атмосферы в доме. В семье было шестеро детей, четверо из которых, включая Михаила, стали впоследствии известными учеными.

Учился Михаил в Поливановской гимназии, но по настоянию отца в 1871 году продолжил обучение в немецкой гимназии города Ревеля (ныне Таллин) в Эстляндской губернии.¹ Смерть отца в марте 1880 года стала для Михаила, старшего из братьев, тяжелым испытанием. Сестра Вера вспоминала: «Мише приходилось в это время решить дальнейшую свою судьбу: продолжать ли прекрасно поставленное „дело“ папы или, прикончив его, поступить в университет и отдаться умственному труду. Он выбрал последнее».² Решено было продать отцовское дело купцам Щукиным, а полученные деньги обратить в процентные

¹ По воспоминаниям сестры, «из ученья Миши в Поливановской гимназии ничего не выходило. Папе посоветовали отдать его в немецкую гимназию в Ревеле» (*Харузина В. Н.* Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. М. М. Керимовой и О. Б. Наумовой. М., 1999. С. 44. Далее сокращенно: *Харузина*, с указанием страницы).

² См.: Там же. С. 382.

бумаги. Михаилу, которому шел двадцать первый год, пришлось взять на себя заботы о младших братьях и сестрах. Именно он оказал влияние на их дальнейший выбор профессии — впоследствии два брата и сестра стали этнографами, антропологами и внесли ценный вклад в развитие этнологии: Алексей (1864—1932),³ Николай (1865—1900)⁴ и сестра Вера (1866—1931).⁵ После смерти отца, вспоминала В. Н. Ха-

³ См.: Керимова М. М., Наумова О. Б. 1) Алексей Николаевич Харузин — этнограф и антрополог // Репрессированные этнографы. М., 1999. Вып. 1 / Сост. Д. Д. Тумаркин. С. 164—198; 2) Архив А. Н. Харузина в библиотеке МГУ // Этнографическое обозрение. 1995. № 6. С. 159—160; Керимова М. М. А. Н. Харузин (Политический портрет) // Вопросы истории. 2012. № 7. С. 30—44. См. также: Харузин А. Н. Библиографический указатель книг и статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов с 1734 по 1891 г. М., 1891; Харузин А. Н., Харузин Н. Н. Материалы для изучения древностей Эстляндской губернии. М., 1896. 18 с.

⁴ См.: Миллер В. Ф. Николай Николаевич Харузин <Некролог> // Этнографическое обозрение. 1900. Кн. 45. № 2. С. 1—12; Письма В. В. Кандинского к Н. Н. Харузину / Публ., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. М. М. Керимовой // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. 3. С. 481—496. См. также: Харузин Н. Н. 1) Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии. М., 1889; 2) Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. 472 с.; 3) Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895. 99 с.; 4) Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов. М., 1899. 72 с. и др. В 1887 г. Вера Харузина сопровождала брата Николая в экспедиции на Кольский полуостров. Результаты экспедиции были приведены в книге «Русские лопари», удостоенной Золотой медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Умер Николай, не дожив до 35 лет. Написанный им учебник по русской этнографии (первый в России) после его смерти был подготовлен к печати сестрой Верой и средним братом Алексеем.

⁵ В. Н. Харузина в 1882 г. поступила в классическую гимназию С. Н. Фишер сразу в четвертый класс, окончила ее в 1886 г. с золотой медалью; с 1884 по 1891 г. слушала публичные лекции в России (В. И. Герье), а также в Париже (1892—1893); до революции — первая женщина-профессор этнографии на Высших женских курсах, в Археологическом институте, после революции — в Московском университете; автор многочисленных трудов по этнографии (см.: Керимова М. М. Этнограф Вера Николаевна Харузина // Гласник этнографского Института САНУ. Београд, 2008. № 1. С. 19—36; Некрылова А. Ф. Вера Николаевна Харузина и этнография ее времени (1866—1931) // Харузина В. Н. Этнография. Лекции. СПб., 2007). См. также: Харузина В. Н. 1) На Севере (Путевые воспоминания). М., 1890. 236 с., подпись: «В. Х.»; 2) Сказки русских инородцев (С краткими бытовыми очерками и иллюстрациями) / С предисл. В. М. Михайловского. М., 1898; 3) Вотяки. М., 1898. 48 с. и др.

Кроме Веры в семье были еще две сестры: Елена (в замуж. Арандоренко; 1860—1924) и Ольга (умерла в четыре года от кори). Подробнее о семье Харузиных и их переписке с выдающимися учеными и деятелями культуры см.: Керимова М. М. 1) Семья этнографов Харузиных и их эпистолярное наследие // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 90—106; 2) Жизнь, отданная науке: Семья этнографов Ха-

М. Н. Харузин.

Фотогравюра ателье Шерер, Набгольц и К°. Москва, 1880-е гг.

рузина, Миша «твердо решил, что будет маме опорой и помощью в ее житейских затруднениях и заботах о младших его братьях и сестрах».⁶

В 1881 году Михаил поступил на юридический факультет Московского университета. Из общения с И. С. Аксаковым, знаменитые пятницы которого он регулярно посещал, Харузин вынес славянофиль-

рузиных. Из истории российской этнографии (1880–1930-е годы). М., 2011. С. 26–74 (Глава I: Михаил Николаевич Харузин: недолгое счастье творчества (1859–1888)).

⁶ Харузина. С. 381.

Н. Н. Харузин.
Фотография П. Павлова. Москва, после 1891 г.

ские убеждения. Окончив курс, провел несколько месяцев в Берлинском и Гейдельбергском университетах, где завершил свое образование. В студенческие годы под влиянием профессора М. М. Ковалевского он занялся изучением обычного права и религии народов России, эта тема стала одной из основных в его научном творчестве. Кроме того, с благословения своего учителя В. Ф. Миллера, Харузин заинтересовался фольклором русских и других народностей Севера.

Считая сбор полевой информации важным видом научной деятельности, в летние месяцы 1881 года молодой ученый отправился в экспе-

дицию на Север. Вера Харузина вспоминала, что это «был год первой этнографической поездки Миши. Он приступал к ней как к священнодействию» и «ехал на Русский Север не с целью собирания этнографических сведений, как ездил в следующий год к вотякам, а лето спустя — в Область Войска Донского. Он хотел познакомиться воочию с жизнью народа, которую он знал только по книгам и которой глубоко интересовался и горячо любил. Ему только минуло в это лето 22 года, и он был весь восторженно настроен. <...> На нашем Севере он надеялся встретиться с сохранившейся издавна самобытностью русского народа».⁷

Мы не располагаем точными данными, что послужило поводом к знакомству молодого студента с известным поэтом, хотя известно, что оно состоялось в Воробьевке 18 февраля 1881 года. Разница в возрасте не помешала быстрому сближению, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка. Потерявший в 1880 году отца, Михаил Харузин нашел в Фете отеческую поддержку, интерес к своим научным разысканиям и, в свою очередь, почувствовал масштаб личности поэта и мыслителя, к тому же одержимого желанием неустанно трудиться. Недаром в одном из писем Харузин признавался: «...я не только сочувствую Вам от всего сердца, но и стараюсь всегда брать Вас себе за образец при занятиях, ибо не видал человека, который бы столь добросовестно и успешно умел трудиться, как Вы, несмотря на Ваши преклонные лета и на Ваше положение» (см. письмо 31).

Молодой человек произвел на Фета самое благоприятное впечатление. 23 февраля 1881 года поэт писал Д. П. Боткину: «Молодой Харузин оставил Алек<сандру> Ивановичу 25 рублей для задатку на квартиру в случае согласия матери. Скажу Вам откровенно, что этот юноша, своим тоном, образом мыслей и всей манерой, произвел на меня самое отрадное впечатление. Он еще мальчик; но если бы на Руси побольше завелось подобных мальчиков, дело ее было бы в шляпе. Толковый и хороший мальчик!».⁸

Фет не ошибся: Михаил Харузин действительно оправдал эту характеристику. К сожалению, его блестяще начавшаяся научная карьера была трагически оборвана внезапной болезнью: в сентябре 1888 года он скончался в Ревеле от тифа.

21 августа 1881 года Харузин подробно описал Фету свою первую этнографическую экспедицию (см. письмо 6), а уже после второй экспедиции по Вятской губернии, предпринятой летом 1882 года, молодой ученый, еще не окончивший университетского курса, был избран секретарем Этнографического отдела императорского Общества лю-

⁷ См.: Харузина. С. 431.

⁸ РГБ. Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 5 об.—6. Сообщено И. А. Кузьминой.

Лопарь в национальном costume.
Фотография. 1887 г.

бителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ).⁹

Вскоре Харузин серьезно занялся проблемой эволюции «вольного казачества» на Дону и совершил четыре поездки в Область Войска Донского (1881, 1882, 1883 и 1885); результаты этих экспедиций вошли в его первую монографию, посвященную «неутомимому борцу за русское народное самосознание И. С. Аксакову».¹⁰ Возможно, именно

⁹ См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1903. Т. 37. С. 91. См. также: Керимова М. М. Этнографические изыскания М. Н. Харузина (К 150-летию со дня рождения) // Славяноведение. 2010. № 6. С. 18–26.

¹⁰ См.: Харузин М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону: Материалы для обычного права. М., 1885. Вып. 1; рец. см.: Юридический вестник. 1885. № 8 (А. Филиппов). Об этом обширном труде молодого ученого М. М. Ковалевский позже

учение И. С. Аксакова и общение с ним побудили Харузина обратиться к проблеме казачьей «самости». По мнению Веры Харузиной, Аксаков тоже ценил Харузина: «Он подарил ему одно из своих сочинений с дорогой для Миши надписью: „Последнему славянофилу, М. Н. Харузину“. И он был, пожалуй, прав: благородное, идеалистическое направление в славянофильствующей мысли тогда угасало. Такой идеалист, как Миша, с молодым горячим сердцем, с любовью к родине и всему славянскому миру должен был нравиться старику Аксакову».¹¹ Вскоре труд молодого ученого «Программа для собирания народных юридических обычаев» (1887) был принят в качестве кандидатской диссертации по кафедре государственного права при Московском университете.

Известен вклад Харузина в создание журнала «Этнографическое обозрение». Идея журнала, по мнению М. М. Керимовой, принадлежала В. Ф. Миллеру и была поддержана товарищами председателя Этнографического отдела императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии М. М. Ковалевским, В. М. Михайловским и секретарем М. Н. Харузиным, «а позднее Н. Н. Харузиным, занявшим место секретаря после ранней смерти брата».¹²

В июле 1887 года Харузин оставил должность секретаря и переехал в Ревель, где поступил на должность старшего чиновника особых поручений при эстляндском губернаторе С. В. Шаховском. Здесь ученый начал заниматься «балтийским» вопросом: изучать историю края, бытовые условия разных народностей губернии, собирать архивные документы, публиковать их в «Эстляндских губернских ведомостях», еженедельнике, редактором неофициальной части которого он вскоре стал; кроме того, в «Московских ведомостях» (1887—1888) он успел поместить несколько «Писем с Балтийской окраины» (под псевдонимом «Николай Безымянный»)¹³ В этот период деятельность Харузина-чи-

вспоминал: «...не стало Харузина, кандидатская диссертация которого об обычном праве донских казаков была напечатана толстым томом и служит теперь настольной книгой для всякого, кто желает познакомиться с особенностями быта этой обширной области нашего отечества» (см.: *Ковалевский М. М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 234*).

¹¹ Харузина. С. 467.

¹² См.: Керимова М. О создании журнала «Этнографическое обозрение» (1889—1916) (по архивным материалам В. В. Богданова) // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 398.

¹³ В рассмотрении остзейской проблемы с позиций славянофильства Харузин, вероятно, следовал за Ю. Ф. Самариним, взгляды которого были изложены в книге «Окраины России. Русское Балтийское поморье» (В 5 ч. Берлин, 1868—1876), запрещенной в России. За 1888 г. Харузиным в Ревеле были изданы следующие труды: «Указатель хронологический и систематический законов для Прибалтий-

новника и ученого была направлена прежде всего на распространение и укрепление влияния России в Эстляндском крае, на возрождение коренной эстонской народности. Стремясь оправдать русификацию как уравнивание прав всех народов Прибалтики, он с сочувствием писал об эстонцах; как публицист выступал против насильственной германизации местного населения.¹⁴

24 февраля 1881 года Фет ответил Харузину на его письмо от 18—23 февраля (неизв.), посланное через А. И. Иоста, вероятно, сразу после знакомства: «...я радуюсь только обстоятельствам, доставившим мне случай с Вами познакомиться» (см. письмо 1). Завязалась переписка. Вскоре молодой человек стал бывать в только что приобретенном доме поэта и его жены на Плющихе (дом Харузиных находился по соседству, на Собачьей площадке). По этому поводу он писал Фету 9 сентября 1881 года: «Прочитав Ваше письмо, я чрезвычайно обрадовался, поистине пришел в восторг: бывать у Вас — для меня составит высокое наслаждение, и я горячо благодарю Вас за Ваше любезное позволение; но теперь оно еще приятнее, потому что я столь близко буду жить от Вас, так как с Собачьей Площади до Плющихи лишь несколько шагов» (см. письмо 8).

В письмах Фета к Харузину содержатся поздравления с праздниками, приглашения в Воробьевку, просьбы о приобретении книг, сообщения о своих переводах из Горация и «Фауста» Гёте, советы читать философов, а также благодарность за помощь в немецких переводах. «Миша был хорошо принят у А. А. Фета, — вспоминала В. Н. Харузина. — Он бывал у старика поэта в его доме на Плющихе, где царил своим сердечным гостеприимством Мария Петровна Шеншина, жена Афанасия Афанасьевича, чрезвычайно добрая и внимательная хозяйка. Здесь Миша встречал Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева и др. Фет неоднократно приглашал Мишу к себе в Воробьевку, и Миша гостил там».¹⁵ Сохранились также поздравления с днем рождения от Михаила Харузина к Марии Петровне (см. *Приложение*).

В Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ находится 13 писем Харузина к Фету за 1881—1883 годы, в которых молодой ученый и студент пишет о студенческой жизни, экзаменах, отношениях между студентами и преподавателями, а также описывает свои впе-

ских губерний с 1704 по 1888 г.», «Православие на островах Даго и Вормс», «Пюхтица — святое место, бытовой очерк из Балтийской действительности», «Эстляндская святыня. Пюхтица, 15 августа 1888 года», а также «Балтийская конституция. Историко-юридический очерк» (М., 1888); см. также: Богородицкая гора в Эстляндии (Древний памятник православия на Балтийском поморье). М., 1889.

¹⁴ См.: Керимова М. М. «Лютеране... насилуют эту совесть»: Балтийский вопрос в публицистике М. Н. Харузина // Родина. 2011. № 12. С. 128—130.

¹⁵ Харузина. С. 467—468.

чатления от экспедиций на Север, предпринятых им в 1881 и 1882 годах. 2 сентября 1882 года в письме к Фету Харузин приводит живописные этнографические зарисовки о вотяках (удмуртах) и других народностях Сарапульского уезда Вятской губернии, сообщает свои впечатления о поездке на Ижевский оружейный завод, описывает быт вотяков, башкир и татар, их праздники. Картина быта и культуры вотяков представлена в письмах Харузина к Фету профессиональным этнографом и фольклористом, однако нередко замечается стремление к художественному воспроизведению собственных впечатлений (см., например, письмо 22).

Позже некоторые бытовые зарисовки из жизни народностей Вятской губернии будут опубликованы молодым ученым в специальном журнале.¹⁶ Оценивая эту первую научную работу Харузина, В. Ф. Миллер писал об авторе: «Он смотрит на народ с любовью этнографа, наблюдая самые разнообразные проявления народного духа, религиозные верования, обряды, обычаи и т. п., и, сосредоточивая главное внимание на юридических понятиях, старается, однако, по возможности нарисовать полную картину всего склада народной жизни».¹⁷

В письме к Фету от 24 апреля 1881 года Харузин дал подробное описание беспокойной обстановки в Московском университете после убийства 1 марта 1881 года Александра II, полагая, что радикализация студентов будет продолжаться, «доколе вместо специального занятия, напр<имер> юридическими науками, станут с кафедры входить в *пространные* обсуждения женского вопроса и т. п. и явно давать понимать слушателям свое недовольство существующим порядком в нашей стране, вместо чтения лекций в рамках исключительно научных, доколе будет проводиться известная тенденция» (см. письмо 3). С разрешения Харузина, копию большей части этого письма Фет послал М. Н. Каткову для публикации в «Московских ведомостях», сопроводив своим комментарием: «Я счел не лишним представить Вам в копии выписку из письма ко мне студента Моск<овского> унив<ерситета>; на что испросил его согласие с условием не выставлять ни моего, ни его имени».¹⁸ И далее привел это письмо с некоторыми сти-

¹⁶ Харузин М. Н. Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда Вятской губ. // Юридический вестник. 1883. № 2. С. 257–291; отд. изд.: М., 1883. 36 с. См.: Керимова М. М. Семья этнографов Харузиных и их эпистолярное наследие. С. 90–106.

¹⁷ См.: Михаил Николаевич Харузин † <Сб. некрологов>. Скончался в Ревеле 25 сентября 1888 г. Ревель, 1888. С. 57–58.

¹⁸ 30 апреля 1881 г. Харузин, отвечая на неизвестное письмо Фета, дал согласие на пересылку своего письма Каткову и просил, во избежание возможных неприятностей для студентов, не называть упомянутых имен (см. письмо 4).

листическими расхождениями от оригинала. В конце выписки Фет прибавил: «Приятно читать подобное письмо юного адепта науки! Вы бы были благодетелем юношей, если бы <поспособствовали? помогли?> тому очищению, о котором он вздыхает».¹⁹

Обнаружить публикацию этого письма в «Московских ведомостях» за 1881 год (начиная с конца апреля) не удалось. 22 мая 1882 года Харузин жаловался Фету на диктат профессоров при экзаменационных испытаниях (см. письмо 18). Возможно, Катков заказал Харузину статью об этом и опубликовал ее в августе 1882 года. Обширная статья, помещенная в «Московских ведомостях» под названием «К вопросу об университетских экзаменах» за подписью «Студент» (об устаревшем учебном процессе на юридическом факультете, произволе профессоров и необходимости реформы), по всей видимости, принадлежит Харузину, хотя неоспоримых доказательств тому пока нет.²⁰ В редакционной статье от 10 августа 1882 года Катков, справедливо считавший, что правильная организация преподавания и экзаменационных испытаний является краеугольным камнем университетской реформы, писал, ссылаясь на «фотографически верную» картину, нарисованную «студентом»: «В каком ныне состоянии находится обучение тысячей молодых людей, правительством порученных произволу автономных профессорских корпораций, можно видеть из помещенной ниже статьи „К вопросу об университетских экзаменах“, писанной студентом под живым впечатлением им лично испытанного».²¹ Позже, как уже упоминалось, Харузин будет сотрудничать в «Московских ведомостях».

О резко отрицательном отношении к студенческим волнениям Фет говорил и писал неоднократно, полагая, как и Катков, что университеты с их автономией от государства являются рассадниками радикализма. Так, в письме к С. В. Энгельгардт от 27 марта 1881 года, критикуя меры по предотвращению покушений, Фет задавался вопросами: «Возможно ли забавляться такими детскими игрушками, как караулы застав, обыски, там, где каждая редакция, каждая школа, каж-

¹⁹ РГБ. Ф. 120. Папка 24. Л. 42 об.—43 об. См. также: Письма А. А. Фета С. А. Петровскому и К. Н. Леонтьеву / Подгот. текста, публ., вступит. заметка и примеч. В. Н. Абросимовой // *Philologica: Двухязычный журнал по русской и теоретической филологии*. М., 1996. Т. 3. № 5/7. С. 302 (здесь, с незначительными расхождениями, приведена копия этого письма Фета, сохранившаяся в фонде Каткова; публикатору письма имя автора, Харузина, осталось неизвестно). Начало данного письма Харузина также приведено в кн.: *Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия* (М. Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 208.

²⁰ См.: *Студент <Харузин М. Н. ?>*. К вопросу об университетских экзаменах // *МВед.* 1882. 10 августа. № 220. С. 4, а также письмо 18, примеч. 3.

²¹ <Катков М. Н.> Москва, 9 августа // Там же. С. 2.

дый чиновник — гнездо и сосуд коммунизма? <...> Где же им бороться с иноземной революцией, снабженной миллионами, когда они не могут управиться у себя под носом с конторой журнала или неумытой и нечесаной толпой нищих студентов. <...> Неужели целую огромную империю могут запугать и разрушить несколько негодяев?». ²² Или, например, в письме Фета к Е. Д. Дункер от 26 ноября 1887 года читаем: «Вчера <...> даже Соловьев не пришел, — догадываюсь, по причине студенческой истории, зная мое воззрение на такие подвиги». ²³

Таким образом, Фета связывала с его корреспондентом не только заинтересованность в судьбе талантливого молодого человека, увлеченного наукой, но и общность политических убеждений, неприятие либеральных тенденций в обществе и особенно в студенческой среде. Переписка Фета с Михаилом Харузиным, по мнению современного исследователя, дает возможность понять, «что же связывало в то время молодого двадцатилетнего человека и шестидесятилетнего поэта. Во-первых, они оба выпускники Московского университета, и, видимо, поэтому Афанасий Афанасьевич интересовался новыми порядками и течениями студенческой жизни», а также любовь к немецкой философии и литературе. ²⁴ Не мог остаться равнодушным Фет и к тяге молодого человека к философии, искусству и к своему творчеству. 24 апреля 1881 года Харузин, считавший Фета своим наставником, писал, что учиться нужно «у того поколения людей, которое в 60-тых годах было названо „отцами“, а теперь — в 80-тых уже стали дедами, у которых не ум один, а развито и сердце, у которых есть вера, а не повальное подавляющее и бесконечное отрицание и отрицание, которые поклонники прекрасного, служители и проповедники эстетики. Вот — лучшие люди» (см. письмо 3). «С Вашей помощью я стану на верную дорогу», — откровенно признавался он в письме от 9 сентября 1881 года (см. письмо 8).

С готовностью и радостью исполнял Харузин разные поручения поэта, стараясь оказать посильную помощь. В эти годы, вспоминала его сестра Вера, Фет «был занят переводом первой части „Фауста“ и печатал сборник своих стихотворений „Вечерние огни“. В корректуре ему помогал Миша, и мы, младшие, очень гордились этим». ²⁵ Поз-

²² <Письмо А. А. Фета к С. В. Энгельгардт от 27 марта 1881> / Публ. Н. П. Генераловой // Автограф. СПб., 1998. № 4. С. 10—12.

²³ См.: Письма А. А. Фета к Е. Д. Боткиной (Дункер) (1887—1892) / Публ. Г. Д. Аслановой // *ФетСб(1)*. С. 301.

²⁴ *Ивашкина С. Е.* М. Н. Харузин — новое лицо в окружении А. А. Фета // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Материалы докладов к XII Фетовским чтениям. Курск, 1997. С. 16.

²⁵ См.: *Харузина*. С. 468. Первый выпуск «Вечерних огней» (М., 1883) вышел в феврале 1883 г. (ценз. разрешение: 28 декабря 1882 г.).

же, когда вышел перевод «Фауста», Вера вспоминала, как друг семьи Харузиных Г. А. Рачинский,²⁶ впоследствии известный философ и переводчик, принес к ним «по этому поводу» все «имевшиеся в то время переводы „Фауста“ и подверг их сличению и критическому разбору».²⁷

Богатейшая семейная библиотека Харузиных, содержащая 7449 единиц, хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета, выпускниками которого были все братья Харузины.²⁸ В собрании есть две книги Фета, подаренные поэтом Михаилу Харузину с дарственными надписями — на сборнике «Вечерние огни» (М., 1883): «Любезнейшему сотруднику Михаилу Николаевичу. Автор» и на фетовском переводе «Фауста» Гёте, где на с. 193—224 имеются пометы переводчика, а на с. 224 запись рукой Фета: «Исправить и прислать с первой корректурой». В библиотеке Харузиных сохранились и другие книги Фета: «Стихотворения» (В 2 т. М., 1863) и переводы: «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэра (СПб., 1881), «К. Гораций Флакк» (М., 1883), «Стихотворения Каталла» (М., 1886), «Элегии Тибулла» (М., 1886).²⁹

Судя по всему, до нас дошла лишь часть переписки, а именно до весны 1883 года, но, скорее всего, она продолжалась и позднее. Вместе с тем очевидно, что большая часть общения проходила изустно. Так или иначе, в сентябре 1888 года это общение прекратилось со смертью молодого ученого. Из Ревеля семья перевезла тело в Москву, где он был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.³⁰ В статье

²⁶ *Рачинский* Григорий Алексеевич (1859—1839), философ, переводчик, религиозный публицист, впоследствии постоянный председатель религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева; двоюродный брат С. А. Рачинского, профессора ботаники, ставшего сельским учителем. В РГАЛИ сохранилось письмо М. Н. Харузина к Г. А. Рачинскому (Ф. 427. Оп. 1. № 2942; б. д.).

²⁷ *Харузина*. С. 472.

²⁸ См.: *Керимова М. М., Наумова О. Б.* Алексей Николаевич Харузин — этнограф и антрополог. С. 164. Вероятно, часть библиотеки сгорела в 1922 г. при пожаре дома Харузиных на углу Кречетниковского и Борисоглебского переулков (Там же. С. 195).

²⁹ См.: *Ивашкина С. Е.* М. Н. Харузин — новое лицо в окружении А. А. Фета. С. 14. См. также: *Лебедева <Ивашкина> С. Е.* Харузины — семья этнологов // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фонда Отдела редких книг и рукописей. М., 2004. С. 312—322.

³⁰ Некрологи см.: Рижские епархиальные ведомости. 1888. № 18; Рижские вести. 1888. № 213—215; Курляндские губернские ведомости. 1888. № 78; Эстляндские губернские ведомости. 1888. № 38—40; *СПбВед.* 1888. 28 сентября. № 269; Новости. 1888. № 276 (автор некролога Г. А. Исаев); *МВед.* 1888. 29 сентября. № 270. С. 5 (статья А. Третьякова); *ИВ.* 1888. № 12 (автор некролога А. А. Половцов) и др. См. также сборник, составленный из памятных речей и выдержек из некрологов: Михаил Николаевич Харузин †. Некролог в виде развернутой статьи см.: *Мил-*

«Похороны М. Н. Харузина», опубликованной в «Московских ведомостях», говорилось: «По окончании отпевания в храме св. Иоанна Предтечи, что в Кречетниках на Новинском бульваре, гроб был донесен на руках до Собачьей Площадки», где перед домом родителей «был поставлен на колесницу и печальное шествие проследовало по Смоленскому рынку, Плющихе и Девичьему полю до Новодевичьего монастыря». ³¹ Неизвестно, приезжал ли Фет на похороны своего молодого друга, в тот год он вернулся из Воробьевки в Москву лишь в начале октября, однако гроб с телом Харузина был провезен мимо окон дома на Плющихе, где он часто бывал.

По воспоминаниям В. Н. Харузиной, брат Михаил «никогда не скрывал своих убеждений — славянофильских, монархических, националистических, хотя в то время они и вызывали у иных насмешливые улыбки и гримасы. Но, может быть, это смелое исповедание своих убеждений наиболее импонировало кружку молодежи — его товарищам по университету». ³² Позже, уже потеряв старшего брата и наставника, она сформулировала в дневнике общий для себя и своих братьев девиз: «Служение России, служение народу, изучение России — вот наш символ, за который мы будем биться». ³³

Сохранившаяся переписка Фета и Михаила Харузина, охватывающая два года (1881—1883), представляет несомненный историко-культурный и литературный интерес и позволяет не только конкретизировать их взгляды и убеждения, но также ввести в научный оборот малоизвестные или новые факты творческих и житейских биографий обоих корреспондентов и определить круг общих знакомых, среди которых философ Вл. С. Соловьев, духовный писатель М. И. Хитров, семья Д. П. Боткина, профессор В. И. Герье, управляющий именьями Фета А. И. Иост и многие другие. Разумеется, нередко речь заходит о членах замечательной семьи Харузиных.

После смерти Фета мать Михаила Харузина Мария Михайловна 22 ноября 1892 года отправила сочувственную телеграмму Марии Петровне Шеншиной: «Глубоко сожалею искренно сочувствую вашему горю. Мария Харузина». ³⁴

Сохранилось 19 писем и записок, а также одна телеграмма Фета к М. Н. Харузину (см.: Отдел письменных источников Государствен-

лер В. Ф. Памяти М. Н. Харузина // Труды Этнографического отдела имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ). М., 1889. Т. 61. Кн. 9. Вып. 1 (с портретом).

³¹ См.: *МВед.* 1888. 2 октября. № 273. С. 2.

³² *Харузина.* С. 468.

³³ Цит. по: *Керимова М. М. Жизнь, отданная науке.* С. 6.

³⁴ *РГБ. Ф. 315. К. 12. № 23. Л. 1.*

ного исторического музея (*ОПИ ГИМ*). Ф. 81. № 99) и 12 писем Харузина к Фету, а также одно письмо Харузина к М. П. Шеншиной (*РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22, № 21). Копии писем Фета к Харузину, сделанные рукой Н. Н. Черногубова, хранятся в *РГБ* (Ф. 315. К. 4. № 44. Л. 1—26).

Письма Фета и М. Н. Харузина печатаются по подлинникам в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных авторских особенностей, сохраненных в публикации без изменений. Приношу искреннюю признательность И. А. Кузьминой, оказавшей в чтении сложного фетовского почерка бесценную помощь.

1

Фет — Харузину

24 февраля 1881 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
БУДАНОВКА¹

24 февраля.

Милостивый государь
Михаил Николаевич!

Перед самым отъездом в воронежскую деревню² Александр Иванович³ получил сегодня Ваше любезное письмо⁴ и потому отвечаю Вам я сам.

Очень жаль, что Вы проведете лето не в нашей стороне, и я радуюсь только обстоятельствам, доставившим мне случай с Вами познакомиться.⁵ Марья Петровна, передавая Вам, матушке и тетеньке Вашей⁶ поклоны, просит сообщить Вам, что оставленные Вами для задатка 25 рублей она просит Софью Сергеевну Боткину⁷ передать при личном свидании кому-либо из Вашего семейства.⁸

Будьте здоровы и примите наилучшие пожелания всегда готового к услугам

Вашим
А. Шеншин<a>.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 19—19 об. На почтовом бланке с адресом.

¹ *Будановка* — железнодорожная станция Московско-Курской железной дороги, ближайшая к имению Фетов Воробьевка. Была открыта в 1868 г., после 1879 г.

получила название Коренная Пустынь, поскольку находилась недалеко от мужского монастыря Курская Коренная Рождество-Богородицкая пустынь (Коренная пустынь), от станции до Воробьевки было около 8 км.

² Речь идет о поездке в Грайворонку, имение в Землянском уезде Воронежской губернии, приобретенное Фетом у брата П. А. Шеншина в декабре 1874 г.

³ «Завтра Александр Иванович, присоединив всем Вашим свои усердные поклоны, уже едет на свою Граворонку, а я пристану к реставрации флигеля <...>», — сообщал Фет Д. П. Боткину 23 февраля 1881 г. (РГБ. Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 6). А. И. Иост (Ост, Йост), агроном, управляющий имениями Фета и его опытный помощник; с 1872 г. управлял имениями Пети Борисова и Оли Шеншиной, состоявших под опекой Фета. Управляющим имениями Фета Иост стал не позже 1873 г. По воспоминаниям поэта, он был для него «ближайшим помощником во всех экономических делах» (МВ. Ч. 2. С. 241). В июле 1883 г. Иост, уже к тому времени женатый на племяннице Фетов Ольге Ивановне Щукиной, перешел на службу к Д. П. Боткину и переехал на его сахарный завод в Ново-Таволжанке Белгородской губернии (см.: *Летопись (1985)*. С. 178). С супругами Иост Феты подерживали дружеские отношения. Сохранились письма Фета к Иостам (1871—1890) и письма Иоста к Фету (РГБ. Ф. 315. К. 3. № 15—19; К. 8. № 6—8).

⁴ Письмо Харузина (неизв.), на которое отвечает Фет, было адресовано на имя А. И. Иоста.

⁵ Знакомство Фета с Харузиным состоялось 18 февраля 1881 г. в Воробьевке. 17 февраля 1881 г. Фет извещал Д. П. и С. С. Боткиных: «Завтра у нас блины с московскими Харузинными, которых я не знаю» (РГБ. Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 3 об.). По-видимому, М. Н. Харузин намеревался провести лето по соседству с Фетами и даже вручил им задаток в размере 25 рублей серебром для передачи, однако по какой-то причине изменил решение. Еще 27 января 1881 г. Фет писал жене: «Сегодня неделя как мы из Москвы, а право времени не видишь — и в доме еще ни за что не принимались. Сегодня Алек<сандр> Иванович (Иост. — С. И.) писал Репину и Анне Петров<не> (Пикулиной. — С. И.), что он лично осматривал квартиры, и просил меня поручить тебе передать Харузиной, что квартиры есть прекрасные, со всеми принадлежностями за 200 руб. в лето 6 больших комнат, как в Воробьевке. Каменный бельэтаж. Чего же лучше. Но надо, чтобы она решилась и вручила тебе задаток для совершения письменного условия, с задатком. Ибо квартиру могут взять, так как дачников много — даже из Петербурга. Комнат оказывается 7 с мебелью и кроватями деревянными. — Если бы это был Дмитрий Петрович, то я бы молча дал задаток, но за г-жу Харузину, основываясь на ее лишь словах, я не имею капиталов давать задатки» (Там же. К. 2. № 26. Л. 11—11 об.). Скорее всего, визит Харузина в Воробьевку с кем-то из членов его семьи был связан с этим обстоятельством. В письме от 23 февраля 1881 г. к Д. П. Боткину Фет сообщил: «Молодой Харузин оставил Алек<сандру> Ивановичу (Иосту. — С. И.) 25 рублей для задатку на квартиру в случае согласия матери» (Там же. К. 3. № 4. Л. 5 об.).

⁶ Речь идет о Марии Михайловне Харузиной (урожд. Милютина), матери М. Н. Харузина, и его тетке Александре Ивановне Харузиной, родной сестре отца Михаила Н. И. Харузина (см. о ней: *Харузина*. С. 23—27, а также примеч. 8 к письму 2).

⁷ С. С. Боткина (урожд. Мазурина; 1840—1889), жена Д. П. Боткина, брата Марьи Петровны. С семьей Д. П. Боткина Фета связывали наиболее близкие отношения. См. примеч. 7 к письму 2.

⁸ Речь идет о задатке за аренду дачи для Харузиных по соседству с Фетами, однако аренда не состоялась. По поводу возвращенного задатка Харузин писал 24 апреля 1881 г.: «25 руб. сер. я получил и премного благодарен» (см. письмо 3).

2

Фет — Харузину

18 апреля 1881 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
БУДАНОВКА

18 апреля.

Милостивый государь
Михаил Николаевич!

Вместе с Марьей Петровной приносим Вам нашу искреннюю признательность за любезную память и поздравление с праздниками,¹ на которое не отвечал раньше, так как только что вернулся из земского собрания по невозможной дороге.² Вы, конечно, не знаете наших деревенских порядков. На наших станциях ж<елезной> д<ороги> телеграммы, т. е. доставка их, необязательны. И потому я даже просил на станции отправлять мне с нарочным только деловые телеграммы, а остальные оставлять до востребования. Ваша тоже пришла в разлив реки³ только на третий день, и нарочный истребовал за нее 2 рубля.⁴ Пишу Вам это, чтобы доказать на ничтожных примерах, до какой степени у нас теория расходится с практикой, и то, что кажется нашим кабинетным людям хорошим и удобным, нередко выходит совершенно неприложимым.⁵ Радуюсь тому очищению, которому отчасти подвергся Ваш университет.⁶ Ведь право стыдно, чтобы молодежь, собирающаяся стать во главе интеллигенции, опускалась до уровня уличных наклеящиков. Жаль, что Вы не написали, получили ли Вы 25 рублей задаточных, которые Марья Петровна просила Софью Сергеевну⁷ передать Алек<сан>дре Ивановне,⁸ которую просим поздравить от нас с праздниками.⁹ К этому Марья Петровна присовокупляет свой усердный поклон матушке Вашей.¹⁰

Нам остается сожалеть, что судьба лишает нас на лето приятного Вашего соседства,¹¹ и пожелать Вам от души здоровья и всяческих успехов.

Ваш покорнейший слуга

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 20–21 об. На почтовом бланке с адресом.

¹ Речь идет о праздновании Пасхи, которая пришлось в 1881 г. на 12 апреля.

² Земское собрание — уездный и губернский представительный орган земских учреждений в России в 1864–1917 гг. Земские собрания проводили выборы земских управ, осуществляли контроль за работой, утверждали земский бюджет, собрание созывалось один раз в году, однако созывались также чрезвычайные и экстренные собрания.

³ Река Тускарь Курской губернии, на берегу которой располагалось имение Фета Воробьевка, приток реки Сейм.

⁴ Местонахождение поздравительной телеграммы Харузина, на получение которой откликается Фет, неизвестно.

⁵ Часто повторяемая Фетом мысль. Так, в письме к П. В. Шейну от 24 апреля 1888 г. он писал, что «пришел к убеждению, что я совершенно прав, считая, что кабинетные люди мало прикасаются с действительностью и, привыкли смотреть на отвлеченно возможное, но не действительное, могут являться для людей поверхностных совершенно непонятными» (см.: *ФетСб(3)*. С. 613).

⁶ В связи с убийством Александра II 1 марта 1881 г. в Московском университете начались студенческие волнения и многояюдные сходки, в результате чего прошли жандармские обыски, аресты и исключение из университета более 300 человек. Проректор профессор С. А. Муромцев был вынужден выйти в отставку (см.: *Дергачева Л. Д.* Московский университет и газета «Московские ведомости» в 1880-х гг. // *Вестник Московского ун-та*. Сер. 8: История. 2008. № 6. С. 7–8). См. также письмо 3, примеч. 3. 7 марта 1881 г. Фет писал Д. П. Боткину: «Не стану описывать того ужаса, в который повергла нас изустная молва 2-го марта *Царь убит*. — Дай Бог новому более сил побороть все разрастающееся зло. Мы сами всему виной и винить некого. С фразами далеко не уедешь» (*РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 7).

⁷ Речь идет о С. С. Боткиной, жене Д. П. Боткина, одного из самых близких Фету людей в семействе Боткиных. Предприниматель, совладелец чаеоторговой фирмы «Петра Боткина сыновья», председатель московского Общества любителей художеств (1877–1889), он был известным коллекционером и благотворителем. Дом Боткиных отличался гостеприимством, здесь проходили балы для молодежи из купеческих семей (см.: *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 53). До приобретения собственного дома на Плющихе Феты нередко по месяцам гостили у Боткиных в зимнее время. 27 марта 1881 г. Фет писал Д. П. и С. С. Боткиным: «Вы у меня теперь одни самые близкие мне люди, люди, переступая за порог которых, я никогда не чувствую стеснения, которое всегда чувствуешь вне собственного угла. — Хорошо у чужих гостить день, два, но невозможно гостить у чужих людей по м<еся>цам, как мы это делаем у Вас. Но даже совершенно независимо от нашего у Вас пребывания, я просто чувствую к Вам ту близость по душе, которой, увы, не чувствую ни по отношению ни к кому» (*РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 9). О возврате и получении задатка см. примеч. 5 к письму 1.

⁸ Об А. И. Харузиной см. примеч. 6 к письму 1. «Большое место в умственном и эстетическом развитии детей Харузиных занимала любимая тетьа Александра Ивановна. <...> от нее получали они первые сведения о великих деятелях России, о многих исторических и культурных памятниках Москвы и Подмосковья» (*Жеримова М. М.* Жизнь, отданная науке. С. 31).

⁹ Речь идет о празднике Пасхи (см. примеч. 1 к наст. письму).

¹⁰ М. М. Харузина (см. примеч. 6 к письму 1).

¹¹ См. примеч. 5 и 8 к письму 1.

3

Харузин — Фету

24 апреля 1881 г. Москва

Собачья Площадь¹

в Москве.

18 $\frac{24}{IV}$ 81.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасиевич!

Ваше любезное письмо² столь было для меня дорого, что я на первых же строках спешу вместе с искренней и глубокой благодарностью выразить и свое извинение, что не тотчас же отвечал Вам. Я до сего дня был погружен в приготовление и сдавание университетских экзаменов — вот единственная причина моего молчания.

Не могу не разделить вместе с Вами радость по поводу очищения нашего университета, хотя должен прибавить, что это очищение, на мой взгляд, не вполне было произведено.³ Много хотелось бы мне сказать по сему поводу, но, опасаясь Вас утомить излишними рассуждениями, скажу в немногих словах. — Разумеется, я не хочу не только защищать, но даже сколько-нибудь оправдывать своих бывших товарищей и тех из настоящих, которые пожелали бы следовать их примеру: их — по мне — осудил сам народ. Примером послужит случившееся в Москве недавно более чем грустное происшествие: один извозчик ударил топором в голову другого потому лишь, что этот в сердцах его назвал — студентом. Это наш-то народ, столь мало — как известно — привыкший к изысканным во время брани выражениям, — совершает уголовное преступление, когда обзывают его — студентом: — грустная иллюстрация в^а истории последнего десятилетия! — Итак, не защищать хочу я, а засвидетельствовать лишь то, что возможность повторения бестактных и нелепых поступков Московского университета студентов будет — как мне кажется — существовать, доколе руководить ими будут учителя, подобно некоторым из теперешних: доколе вместо специального занятия, напр<имер> юридическими науками, станут с кафедры входить в *пространные* обсуждения женского вопроса

^а Далее зачеркнуто: будущей

1

Сестра Наталья
 В. Кувалда
 18²⁴/_{IV} 81

Здравствуйте
 Василий Иванович!

Вам много раз писало сестра Наталья
 имя дороже, чем я по первому же стиратель
 стаям востановить с секретом и муромом. Вам
 дарю много варажент и свое уведомление,
 что не только же стиратель Кавал.
 А до сего дня пишу попрежнему в секрет
 вение и здавание уведомлений своим
 сестре — была единственная причина
 всем варажент.

Но вы не раздумывайте востановить с
 радостью по поводу отмены нашего

Письмо М. Н. Харузина к Фету от 24 апреля 1881 г.

Первая страница

и т. п. и явно давать понимать слушателям свое недовольство существующим порядком в нашей стране, вместо чтения лекций в рамках исключительно научных, доколе будет проводиться известная тенденция и т. д. и т. д. — Вот с этого-то конца следует начать очищение, ибо эти люди с теми «одного поля ягоды» — как выразился один московский лавочник, показывая кулак профессору Герье,⁴ когда последний

ему заявил, что принадлежит к профессорам, а не студентам, которых лавочник в это время бранил. Нет, не этим учителям суждено наставить нас, учащихся, на истинный путь. Теперь, мне кажется, учиться нам нужно не у них, а у того поколения людей, которое в 60-тых годах было названо «отцами»,⁵ а теперь — в 80-тых уже стали дедами, у которых не ум один, а развито и сердце, у которых есть вера, а не повальное подавляющее и бесконечное отрицание и отрицание, которые поклонники прекрасного, служители и проповедники эстетики. Вот — лучшие люди. Вот почему подобает *мне* искренне сожалеть, «что судьба лишила меня столь приятного соседства»,⁶ ибо я провел лишь сутки в Воробьевке, а между тем вынес столь много хорошего и полезного, «habe so vielfache Anregungen empfangen»^b — как выражаются немцы — что век не забуду это милое место.

Многоуважаемой Марии Петровне прошу передать как от меня, так и от мамы и тети Александры Ивановны⁷ низкий поклон.

25 руб. сер. я получил и премного благодарен.⁸

С искренним пожеланием Вам всех благ остаюсь глубоко уважающий Вас

Михаил Харузин.

Приписка: Прошу засвидетельствовать мое почтение и Александру Ивановичу.⁹

М. Х.

На конверте: Московско-Курская ж. д.,
ст<анция> Будановка.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шенишину.

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>, 25 апр<еля> 1881; об.: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 25 апр<еля> 1881.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 1—3 об.; конверт — л. I. На обороте конверта, в правой части, неизвестной рукой надпись карандашом: «Харузин».

Фрагмент письма напечатан: Письма А. А. Фета С. А. Петровскому и К. Н. Леонтьеву. С. 302.

¹ Дом Харузиных (архитектор О. И. Бове) находился на углу Борисоглебского и Кречетниковского переулков (Борисоглебский пер., д. 3); он был куплен отцом

^b «вынес так много идей» (нем.).

в 1876 г. «Тогда же говорили, — вспоминала В. Н. Харузина, — что дом стоит на Собачьей площадке, и письма доходили по такому адресу <...>» (Харузина. С. 188). Собачья площадка — небольшая площадь, находившаяся в районе Арбата и Большой Молчановки; известна с XVII в., по преданию, образовалась на месте Собачьево двора для царской охоты; уничтожена в начале 1960-х гг. Дом Харузиных находился приблизительно на месте нынешнего дома № 40 по ул. Новый Арбат (см.: Там же. С. 503).

² Харузин отвечает на письмо Фета от 18 апреля 1881 г. (№ 2).

³ В университете составила большая группа либерально настроенных профессоров, которая задавала тон в наставничестве студентов, в нее входили В. И. Герье, А. Ю. Давидов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев, С. А. Усов и др. Через несколько дней после убийства народовольцами Александра II (1 марта 1881 г.) в Московском университете среди студентов был открыт сбор денег на венок царю-мученику, однако не все студенты разделяли эту подписку. Начались сходки. На одной из них проректор С. А. Муромцев, стараясь удержать протестующих от резких действий, призвал отправить венок, но был ошвантан радикально настроенными студентами. Последовали аресты, волнения и многолюдные сходки (12 и 31 марта), в результате которых были произведены новые аресты, обыски и исключения из университета. Более трехсот студентов были исключены — на год, на два года или без права восстановления (см.: *Ковалевский М. М.* Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века // *ВЕ.* 1910. № 5. С. 220). Катков как редактор «Московских ведомостей» придавал большое значение университетской теме в связи с убийством императора, считая, что именно университет и шире — либеральная интеллигенция, в том числе университетская профессура, — являются виновными в организации смуты среди молодежи (см.: *Дергачева Л. Д.* Московский университет и газета «Московские ведомости» в 1880-х гг. С. 7—8). См. также письмо 4, примеч. 2. «25 лет мы либеральничали на все тоны и лады и наконец довели либерализм до последней гадости. Что будет теперь Бог весть. Будем ждать хорошего, но до сих пор большинство наших школ были вертепы революции», — писал Фет Д. П. и С. С. Боткиным 11 апреля 1881 г. (*РГБ.* Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 17).

⁴ *Герье* Владимир Иванович (1838—1919), историк и политический деятель; профессор всеобщей истории Московского университета (1868—1904), автор исследований по истории Древнего Рима, а также Великой французской революции. По инициативе Герье в 1872 г. были открыты Московские высшие женские курсы (курсы Герье), директором которых он был до 1888 г.

⁵ Намек на роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1862), вызвавший бурную полемику в обществе.

⁶ В кавычки взяты слова Фета из его письма от 18 апреля 1881 г. (№ 2).

⁷ А. И. Харузина, сестра Н. И. Харузина, тетя М. Н. Харузина. См. о ней примеч. 8 к письму 2.

⁸ О возврате и получении задатка см. примеч. 5 и 8 к письму 1.

⁹ Имеется в виду А. И. Иост. См. примеч. 3 к письму 1.

4

Харузин — Фету
30 апреля 1881 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
18 $\frac{30}{IV}$ 81.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасиевич!

Премного Вам благодарен за Ваше письмо.¹ Разумеется, я ничего не могу возразить на высказанное Вами желание. Если Вы находите возможным переслать мое письмо г. Каткову — то мне это более чем приятно, потому что я уважаю взгляды именно Михаила Никифоровича, высказанные им по поводу последних «историй» в Университете.² — Одного лишь опасаясь я: не повлекло бы подобное заявление за собой какой-либо неприятности со стороны профессоров для всех вообще студентов. — Если Ваше намерение Вы приведете в исполнение, то со своей стороны мне остается лишь попросить Вас сделать это в той именно форме, о какой Вы мне писали, а также не выставять всего имени профессора Герье.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасиевич, навряд ли мне бы удалось выразить, насколько для меня приятно Ваше столь любезное приглашение в Воробьевку: позвольте поэтому лишь искренно и от души поблагодарить Вас. — Вы пишете, что мое посещение для Вас удобнее бы было в 20-тых числах мая. Это меня заставило позадуматься. Прежде всего, мои экзамены окончатся лишь к 26-му мая — следовательно, уже к самому *концу* месяца. Затем я обещал своему знакомому отправиться вместе с ним в Соловецкий монастырь,³ а оттуда посетить — если это будет возможно — Кольский полуостров и Мурман.⁴ Так как по наведенным им справкам, на Белом море и в Лапландии уже рано начинается ненастье, то мы решились поспешить, чтобы вовремя и благополучно объехать этот интересный край. — Ввиду этого я решаюсь просить Вас: не позволили бы Вы мне прибыть к Вам в августе, сентябре или октябре — как для Вас будет удобнее? Если же поступить таким образом нельзя, то позвольте мне в мае приехать на один денек. — Еще раз выражая искреннюю благодарность и от души желая Вам и многоуважаемой Марии Петровне — как от себя, так и от имени нашей семьи всего лучшего, остаюсь глубоко Вас уважающий

Михаил Харузин.

На конверте: *Московско-Курская ж. д.,
ст<анция> Будановка.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.*

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>,
1 мая 1881; об.: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 2 мая 1881.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 4–5; конверт — л. II. На обороте конверта, в левой части, неизвестной рукой надпись карандашом: «М. Харузин».

¹ Письмо Фета, на которое отвечает Харузин, неизвестно.

² Речь идет о серии передовых статей «Московских ведомостей», принадлежавших в основном перу М. Н. Каткова, посвященных университетской теме. Так, в редакционной статье «Москва, 22 апреля» Катков писал: «Нельзя не порадоваться тому, что профессорские коллеги наконец занялись восстановлением законного порядка среди студентов», который водворится, «когда университетские власти будут бдительно смотреть за собою или, вернее, когда правительство будет бдительно смотреть за ними»; государственная власть «как бы упразднила себя в деле столь важном для государства, как высшее образование отборного юношества страны» (*МВед.* 1881. 23 апреля. № 111. С. 3). См. также письмо 3, примеч. 3. Копию большей части письма Харузина от 24 апреля 1881 г. Фет послал М. Н. Каткову для публикации, сопроводив эту выписку своим комментарием, которая, скорее всего, не была опубликована. Подробнее см. во вступит. статье.

³ Вероятно, речь идет о М. М. Панове, гимназическом друге по Ревелю, сыне таможенника, с которым Харузин отправился в свою первую экспедицию на Север. «Он поехал, — вспоминала Вера Харузина, — прихватив с собой Михаила Михайловича Панова. С дороги оба приятеля писали нам письма <...> Особенно сильное впечатление произвел на Мишу Соловецкий монастырь. Он описал полученное им там и глубоко пережитое им впечатление в длинном восторженном письме к маме <...>» (*Харузина.* С. 431; см. также с. 245–248).

⁴ В. Н. Харузина вспоминала: «Его поездка сложилась по следующему маршруту: из Петербурга по рекам Неве и Свири и озерам Ладожскому и Онежскому в Заонежье, оттуда — в Архангельск и Соловки, на Новую Землю, вокруг Кольского полуострова и всей Норвегии домой» (Там же. С. 431).

¹ *Повенец* — уездный город на северном берегу Повенецкого залива Онежского озера.

² *Вытегра* — уездный город на севере Вологодского уезда.

³ *Кивач* — водопад на реке Суна.

⁴ См. письмо 4 и примеч. 3 к нему.

⁵ *Кандалакша* — уездный город в составе Архангельского уезда.

⁶ *Лапландия* — историческая провинция на севере Финляндии.

⁷ *Кола* — город в России, исторический центр Кольского полуострова.

⁸ См. примеч. 4 к письму 4.

⁹ Речь идет об А. И. Иосте.

6

Харузин — Фету

21 августа 1881 г. Москва

Собачья Площадь

в Москве.

18 $\frac{21}{VIII}$ 81 г.

Глубокоуважаемый

Афанасий Афанасиевич!

После двухмесячного отсутствия на днях я снова вернулся в Москву.¹ В эти два месяца моего путешествия мне удалось объехать большое пространство и побывать далеко за полярным кругом: я доехал до 73° с<еверной> широты. Таким образом я увидел часть полярного севера и познакомился — хотя бегло — с нашими отдаленными окраинами. За это время мне пришлось многое увидеть и узнать, и вот теперь у меня столько накопилось впечатлений, что в сию минуту я не был бы в состоянии передать их в стройном порядке; теперь могу я лишь одно сказать, что почти все мною виденное было для меня ново и неожиданно: столь своеобразен посещенный мною край! — Все, начиная с величавого в своем безмолвии северного леса и идиллической прелести озер, живописно разливших свои зеркальные воды среди этих зеленеющих дебрей, и — кончая безграничным простором Ледовитого океана, который то бурен и сердит, то ласков и нежен, подобно доброму старцу; то холоден и невозмутимо спокоен, то сангвинически страстен — все это вместе со своеобразным бытом северного крестьянина — живущего чуть ли еще не в XI-ом столетии под свежим воспоминанием «о ласковом князе о Владимире Стольнокиевском» — составляет целый ряд эффектных и поражающих своею оригинальностью картин, которые могли бы привести в восторг любого, даже самого избалованного туриста.

Совершенно неожиданным образом мне пришлось значительно расширить первоначальный план путешествия поездкой на Новую Землю. Приехав в Архангельск, я узнал, что в начале июля губернатор желает посетить Новую Землю.² Вместе с некоторыми другими лицами — изъявил и я желание участвовать в этой поездке, и вот уже 12-го июля мы были на этом пустынном острове в глуши Ледовитого океана. Эта поездка на Новую Землю благодаря случайным обстоятельствам сделалась особенно интересной, так как нам пришлось совершить, так сказать, полярную экспедицию в миниатюре: мы попали в океанские льды, блуждавшие невзирая на средину лета по безбрежным водам, охотились на моржей, беспрестанно встречали китов и наконец выдержали сильный «шторм» в открытом океане.

Снова вернувшись к материку, я направился сначала на северо-запад до Нордкапа,³ а отсюда постепенно стал спускаться к югу вдоль берегов северной Норвегии. Посетив затем несколько любопытных местностей и в южной Норвегии и Швеции, я — отказавшись от прежнего намерения проехать в Данию — поспешил вернуться в Москву. Причиной этому — совестно сознаться — была ужасная тоска по родине, тем сильнее меня охватившая, чем более до меня доходило^а разных тревожных слухов о пожарах в Москве, о холере в Петербурге, о новых «покушениях»⁴ и т. п. Обо всем этом мне приходилось узнавать дорóгой, и между тем я не имел возможности за незнанием языка поверить рассказы по газетам.

Я боюсь, что слишком злоупотребил Вашим вниманием, но ввиду того сочувствия,^б которое Вы высказывали еще весной по поводу моего путешествия, я позволил себе более подробно сообщить Вам о нем. Простите мне, многоуважаемый Афанасий Афанасиевич, если я утомил Вас своим рассказом.

Желая Вам всего хорошего, а более всего здоровья, и с просьбою передать мой глубокий поклон многоуважаемой Марии Петровне, — остаюсь глубоко Вас уважающий

Михаил Харузин.

Р. С. Также и Александру Ивановичу шлю низкий поклон.⁵

На конверте:

*Московско-Курская ж. д.,
ст. Будановка.*

*Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.*

^а Далее зачеркнуто: слухов (?)

^б Далее зачеркнуто: того

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>, 22 авг<уста> 1881; об.: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 23 авг<уста> 1881.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 8–10 об.; конверт — л. IV.

¹ См. письма 4 и 5.

² *Новая Земля* — российский архипелаг в Северном Ледовитом океане между Баренцевым и Карским морями.

³ Речь идет о мысе Нордкап на севере Норвегии.

⁴ Слухи были ложными, так как никаких сведений о значительных пожарах в Москве, эпидемии холеры в Петербурге и новых «покушениях» обнаружить в газетах не удалось.

⁵ Речь идет об А. И. Иосте.

7

Фет — Харузину

3 сентября 1881 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
БУДАНОВКА

3 сентября.

Любезнейший

Михаил Николаевич!

Только что вернувшись из Москвы, нашел Ваше любезное и вполне интересное письмо.¹ Я видел у Боткиных Вашего брата² и узнал от него о Вашем возвращении,³ но ничего не в силах был за хлопотами сделать, чтобы увидаться с Вами. Но *ver<s>choben ist nicht aufgeho- ben*,^a говорят немцы, и 1 ноября, если будем живы, мы явимся в собст<венный> дом на Плющихе⁴ на всю зиму, и там я буду по праздникам ждать Вас, не опасаясь помешать Ваши<м> занятиям. Надеюсь, при Вашем пытливом настроении Вы не станете праздно терять золотые дни юности. — Читайте философов, но старайтесь не бегать глазами, а действительно понимать. Без знакомства с философией — никакой науки нет, а есть пустоболтание и чужие умные слова.

Жена благодарит за приветствия. Будьте здоровы.

Душевно уважающий

Вас

А. Шеншин.

^a отложено, не значит отменено (*нем. пословица*).

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 24—25. На почтовом бланке с адресом.

¹ Вероятно, речь идет о письме Харузина от 21 августа 1881 г., посвященном описанию экспедиции на Север (№ 6).

² По-видимому, имеется в виду брат Михаила Харузина Алексей, которому в это время было 17 лет. В. Н. Харузина вспоминала, как детей — ее, Колю и Алексея — повезли к Боткиным: «В этот вечер у Боткиных был А. А. Фет. Он обратил внимание на Алешу и начал его экзаменовать по латыни. Что Алеша учился плохо, это не было для нас тайной, и потому с первого вопроса Фета у меня сердце сжалось ожиданием плохого. Алеша отвечал, но, было ясно, все невпопад. Фет, по моему мнению, издевался над ним, продолжал расспросы, когда, казалось, ясно было, что и спрашивать нечего — он мучил Алешу, и я чувствовала к этому старику болезненно-тяжелое озлобление мучимого слабого существа» (*Харузина*. С. 48).

³ Речь идет о возвращении Харузина из первой экспедиции на Север, предпринятой молодым ученым летом 1881 г. См. во вступит. статье.

⁴ Фет имеет в виду собственный дом, который он решил приобрести на Плющихе. Это был дом Карауловых (см.: *Летопись* (1985). С. 177). Здесь Фет с женой проводили часть осени (как правило, до 1 октября) и зиму, 1 марта они обычно переезжали в Воробьевку. Подробности приобретения дома на Плющихе находим в письме Фета к племяннику Пете Борисову от 12 июня 1881 г.: «Я вечером ни прясть ни ткать, ни початочки мотать, и потому мне ноябрь — февраль в деревне стал тягостен, а в городе гостинство настолько же. Это подало мне мысль искать, если можно, в Москве дома доходного не дорогого, так, чтобы он давал те же 5 %, давая мне даровую квартиру. В бытность с тетей на свадьбе Нади Щукиной (Н. И. Щукина. — *С. И.*) с тульским помещиком Мясново (А. А. Мясново. — *С. И.*) я сыскал требуемый х, насколько возможно такое дело в 2 дня. И знаю, что ничего даже похожего на мою находку и в 2 года сыскать нельзя. Словом, я купил дом на Плющихе в 2 шагах от Зубов<ских> ворот и Лицея за 35 ты<сяч>, и теперь мы моск<овские> жители на 4 зимних м<еся>ца, а когда ты будешь служить в Москве, то можешь иметь амуру квартиру-особняк у нас около конки и даром стол. Я очень рад этому приобретению, избавляющему меня от fastidium'a (скуки — *лат. С. И.*) в течение тяжелой зимы. — Там у меня будет московск<ая> Воробьевка и при помощи Божией и свой круг» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 41. Л. 19 об.—20).

8

Харузин — Фету
9 сентября 1881 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.

18 $\frac{9}{IX}$ 81.

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасиевич!

Простите мне, что не тотчас же отвечал Вам на Ваше письмо:¹ на днях я был в Троицкой лавре...²

Прочитав Ваше письмо, я чрезвычайно обрадовался, поистине пришел в восторг: бывать у Вас — для меня составит высокое наслаждение, и я горячо благодарю Вас за Ваше любезное позволение;³ но теперь оно еще приятнее, потому что я столь близко буду жить от Вас, так как с Собачьей Площади до Плющихи лишь несколько шагов.

Искренне благодарю Вас и за Ваш совет читать философов. Я, разумеется, вполне с Вами согласен, что никакой науки нет без^a знакомства с философией, но, к сожалению, до сих пор я лишь очень мало знаком с этой областью знаний. Не знаю, приписывать ли это «духу времени», влияющему на молодых, а следовательно и на меня в их числе, или же тем исключительным условиям, в которые я был поставлен после поступления своего в ревельскую гимназию,⁴ совершенно почти не умея выражаться по-немецки и с подготовкой по латинскому и греческому языкам, далеко не соответствовавшей требованиям ревельских преподавателей, так что мне долгое время приходилось обращать свое внимание в эту сторону — так или иначе, но я очень мало интересовался философами и даже, признаюсь, к моему стыду, бывали времена, когда вся философия мне казалась не более как ряд неудачных и ошибочных умствований отдельных лиц, опровергнутых фантазиями других, которые в свою очередь должны были уступить место новым и т. д. Впоследствии конечно я убедился в ошибочности и односторонности такого взгляда, как убедился в ложности многого множества из своих прежних воззрений на разные вещи, в том числе, напр<имер>, и на литературу.

Одно время мне казалось (и это было сочувственно подтверждено несколькими из товарищей), что так называемая изящная^b литература есть нечто совершенно излишнее и что читать поэтические произведения — только напрасно терять время. И вот я бросил «беллетристику» и начал читать только сочинения «научные», не позволяя себе прочесть ни одного романа. Вследствие неразвитости ума шестнадцатилетнего мальчика чтение шло медленно, прочитывалось мало. Таким образом, я уже сильно поотстал в этом отношении к тому времени, когда вполне понял ошибку. Восполнить недоимки я впоследствии мог лишь отчасти, будучи всегда отвлекаем уроками по гимназии. Поступив наконец в университет, я поставил себе первой задачей исправить недостатки в этом смысле. Я теперь занимаюсь, по мере возможности и не запуская университетские предметы, литературой.

Пишу все это откровенно и каюсь в своих прежних грехах именно Вам как служителю поэзии и всего прекрасного. С Вашей помощью я стану на верную дорогу.

^a *Далее зачеркнуто:* философии

^b изящная — *вписано над строкой.*

Брат мой⁵ сообщил, что видел Вас и что Вы здоровы: — я искренне радуюсь этому. Многоуважаемую Марию Петровну много раз благодарю за поклон и прошу Вас передать ей мое глубокое почтение.

Остаюсь глубоко уважающий Вас

Михаил Харузин.

На конверте: Московско-Курская ж. д.,
ст. Будановка.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шенишцу.

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>, 10 сен<тября> 1881; *почтовый штамп:* ДОПЛАТИТЬ 14 к.; об.: Почтовый вагон № 15, 10 сен<тября> 1881; Курск, 11 сен<тября> 1881.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 12—14 об.; конверт — л. V. На обороте конверта, в правом нижнем углу, неизвестной рукой надпись карандашом: «Харузин».

¹ Харузин отвечает на письмо Фета от 3 сентября 1881 г. (№ 7).

² *Троице-Сергиева Лавра* (Свято-Троицкая Сергиева лавра) — крупнейший православный мужской монастырь с многовековой историей, расположен в центре Сергиева Посада Московской области. В Свято-Троицком соборе Лавры находятся мощи основателя монастыря преподобного Сергия Радонежского. Датой основания Свято-Троицкой пустыни принято считать поселение преподобного Сергия Радонежского на холме Маковец в 1337 г.

³ Фет приглашал Харузина 3 сентября 1881 г. бывать у него в недавно приобретенном доме на Плющихе (см. письмо 7).

⁴ Харузин учился в гимназии г. Ревеля Эстляндской губернии (ныне г. Таллин).

⁵ О каком брате Михаила идет речь, Николае или Алексее, сказать затруднительно.

9

Фет — Харузину

16 сентября 1881 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
БУДАНОВКА

16 сентября.

Милостивый государь
Михаил Николаевич!

Спасибо за любезное письмо, доставившее мне много удовольствия перспективой видеть Вас у нас в Москве,¹ где мы займемся на досуге

разговорами о философии, так как я вижу в Вас желание знать доступную человеку долю истины.

Но об этом в свое время. Ничего не надо предрешать голословно. — Надо испробовать, а там и отвергать, коли на то пошло.

Останавливаясь на настоящем, сообщу Вам следующую правдивую повесть из обыденной жизни. Почта не передает не вполне оплаченных писем иначе как с уплатой двойного тарифа, т. е. 14 копеек вместо 7. Но это бы еще не беда. А беда в том, что почтовый вагон увозит подлежащее штрафу письмо мимо ст<анции> жел<езной> дор<оги> в губер<нскую> почт<овую> контору, которая в свою очередь высылает печатное объяв<ление> о получении штрафного письма. Но в рабочую, горячую пору мы посылаем в город только по праздникам, когда заседания почтамта только до 12 часов, и ergo надо послать с общей станции в город не по желе<зной> дороге, приходящей ровно в 12 часов, а с извозчиком за 50 копеек. По получении объявления о штрафованном письме нельзя знать, как *срочно* оштрафованное письмо. И вот вместо простой уплаты 7 копеек надо от Понтию к Пилату² уплатить за письмо 64^a коп. Смысл басни короток. Сделайте, как я. Купите у Осберга лотные вески-безмен³ за 1 р. 20 копеек и в сомнительном случае прикиньте Ваш пакет на весках, что я всегда делаю. А модная толстая бумага, весящая в 2-х полулистах более лота, только подтверждает истину, что не все модное удобно. Не сердитесь за благодушный совет, который избавит Ваших корреспондентов от излишних хлопот, и не забывайте обещания бывать на Плющихе.

Жена благодарит Вас за любезное приветствие, и я жму Вашу руку, оставаясь с полным уважением

Ваш
покорнейший слуга
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 4—5 об. На почтовом бланке с адресом.

¹ Фет отвечает на письмо Харузина от 9 сентября 1881 г. (№ 8), на конверте которого действительно стоит почтовый штамп, указывающий на необходимость доплаты в 14 копеек.

² Крылатое выражение, означающее волокиту, бессмысленную отсылку от одного к другому, вместо того чтобы разом решить вопрос. Произошло от имени римского наместника Понтия Пилата, который, не желая брать на себя решение судьбы Иисуса Христа, отослал его к царю Ироду, а тот послал Иисуса обратно к Пилату (Лука, 21: 1—12).

^a Исправлено, было: 65

10

Харузин — Фету
27 сентября 1881 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
18 $\frac{27}{IX}$ 81.

Многоуважаемый
Афанасий Афанасиевич!

Чрезвычайно для меня прискорбно, что я уже второй раз причиняю Вам неприятное и служу поводом Вам брать на себя труд то выяснять, что должно бы быть известным.¹ Но если в первом случае мною руководило одно лишь доброе и искреннее намерение, то и теперь столь большие хлопоты причинены Вам моим письмом не вследствие моего «предрешения»,² а благодаря неграмотности и неисполнительности посланного мною в почтамт слуги. Дело в том, что оба письма, которые я писал к Вам осенью,³ были отосланы в одно время с письмами к моему брату в Ревель,⁴ и вот в первый раз слуга, не осведомясь о весе конвертов, наклеил по одной марке на конверты, так что и в Ревель пришло письмо недостаточно оплаченным, — а во второй раз тот же слуга без всякой нужды наклеил *две* марки на письмо к брату, а одновременно с ним посланный конверт к Вам оставил не оплаченным достаточно. Получив Ваше последнее письмо,⁵ я тотчас же сделал запрос к брату, чтобы получить объяснение случившегося (это, между прочим, и есть единственная причина того, что я не тотчас же отвечал Вам).

Все это я пишу не в извинение свое и оправдание, а только для разъяснения дела.

Искренне жалею о случившемся и с покорнейшею просьбою об великодушном извинении меня остаюсь всегда готовый к услугам

Михаил Харузин.

Прошу Вас передать мое глубокое почтение многоуважаемой Марии Петровне.

На конверте:

Московско-Курской ж. д.
станция *Будановка*.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>, 27 сен<тября> 1881; об.: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 28 сен<тября> 1881.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 16—17; конверт — л. VI.

¹ За предыдущее письмо Харузина (поздравительную телеграмму) Фету также пришлось заплатить 2 рубля (см. письма 2 и 9).

² Харузин обыгрывает слово из письма Фета (№ 9), в котором говорилось: «Ничего не надо предрешать голословно. — Надо испробовать, а там и отвергать, коли на то пошло».

³ Известно только одно письмо Харузина к Фету, написанное осенью — от 9 сентября 1881 г. (№ 8).

⁴ Имеется в виду Алексей Николаевич Харузин, младший брат Михаила.

⁵ Вероятно, имеется в виду письмо Фета от 16 сентября 1881 г. (№ 9).

11

Фет — Харузину

8 ноября 1881 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА
СОБСТ. ДОМ
481.

8 ноября.

Любезнейший
Михаил Николаевич!

Мы оба с Марьей Петровной просим Вас принять лично и передать матушке Вашей наши усердные поздравления и наилучшие пожелания ко дню Вашего Ангела.¹

Искренно уважающий Вас

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: ОПИ ГИМ. Ф. 81. № 99. Л. 6. На почтовом бланке с адресом.

¹ Фет отвечает на письмо Харузина от 27 сентября 1881 г. (№ 10). 8 ноября по ст. ст. — церковный праздник Собор святого архистратига Михаила.

12

Фет — Харузину
12 декабря 1881 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА
СОБСТ. ДОМ
481.

12 декабря.
Суббота.

Любезнейший
Михаил Николаевич!

Завтра я обедаю один. Не найдете ли возможным прийти к 4 или 5 часам, как можете, ко мне обедать? Пожалуйста, не стесняйтесь, а делайте, как Вам удобно.¹

Преда<нный> Вам
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 8. На почтовом бланке с адресом.

¹ Неизвестно, состоялся ли этот визит.

13

Фет — Харузину
16 января 1882 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА
СОБСТ. ДОМ
481.

16 января.

Дорогой
Михаил Николаевич!

Завтра я обедаю дома. Собирался ко мне Хитров.¹ Не придете ли и Вы?² Буду сердечно рад.

Пред<анный> Вам
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 9. На почтовом бланке с адресом.

¹ Речь идет о Михаиле Ивановиче *Хитрове* (1851—1899), духовном писателе, переводчике, публицисте «Московских ведомостей», преподавателе русского язы-

ка и литературы в московских гимназиях; давал частные уроки детям Д. П. Боткина и С. М. Соловьева; знакомый и корреспондент Фета, их встреча и знакомство состоялись в конце января 1881 г. в доме Д. П. Боткина (см.: Неизданные письма Фета к Л. Н. Толстому // *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 94). Хитров рекомендовал Фету в качестве помощника в переводах Горация своего товарища по службе, преподавателя греческого и латинского языков М. Г. Киндлера. «Когда я ему изложил Ваше предложение, — писал Хитров Фету 26 апреля 1883 г., — он с радостью согласился и сказал, что он сам готов был бы заплатить, лишь бы познакомиться с Вами» (*РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 25. Л. 4—4 об.). Общение с Хитровым доставляло Фету интеллектуальное удовольствие. 26 июня 1882 г. Хитров писал поэту: «Я утешаю себя надеждой, что Вы разрешите мне, как и в прошедшем году, посещать Вас в Москве при всякой возможности» (Там же. Л. 1 об.). В письме от 14 марта 1888 г. Хитров отмечал: «Нет нужды говорить Вам, как много расходимся мы с Вами в так называемых высших вопросах, но вот преимущество честного, благородного и умного человека: его уважаешь и любишь и притом гораздо больше иногда, чем людей, с которыми, по-видимому, во всем соглашаешься» (Там же. Л. 13). О литературной деятельности Хитрова как церковного публициста см.: *Дубинин А., прот.* Хитров Михаил Иванович // *Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь*. М.; СПб., 2019. Т. 6. С. 520—522. Д. П. Боткин по завещанию оставил часть наследства М. И. Хитрову (*РГАЛИ*. Ф. 54. Оп. 1. № 52).

² Сведениями о визите Харузина к Фету 17 января 1882 г. не располагаем.

14

Харузин — Фету

28 февраля 1882 г. Москва

Собачья Площадь

в Москве.

18 $\frac{28}{II}$ 82.

Глубокоуважаемый

Афанасий Афанасиевич!

Меня продолжает преследовать злая судьба. В ночь с пятницы на субботу болезнь моя возобновилась с новой силой: очевидно, я слишком рано стал выезжать на воздух. В настоящую минуту мое лицо и глаза сильно опухли, и я, по предписанию приглашенного мною известного в Москве доктора Мансурова,¹ вновь принужден сидеть дома. Поистине чувствую себя несчастным, что не могу воспользоваться Вашим любезным приглашением.²

Однако я постараюсь сделать все возможное, чтобы еще раз проститься с Вами перед Вашим отъездом из Москвы.³

Многоуважаемой Марии Петровне прошу передать мое глубокое почтение.

Остаюсь глубоко уважающий Вас

Михаил Харузин.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.
Плющиха, собств. дом.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 18–18 об.; конверт (без почтовых штемпелей) — л. VII.

¹ Имеется в виду известный московский врач Николай Порфирьевич *Мансуров* (1834–1892), дерматолог и венеролог, профессор Московского университета.

² Письмо Фета с приглашением посетить его неизвестно.

³ Очевидно, речь идет о переезде Фетов в Воробьевку.

15

Харузин — Фету

28 марта 1882 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
18 $\frac{28}{III}$ 82.

Христос воскрес!

Поздравляю Вас, глубокоуважаемый Афанасий Афанасиевич, со Светлым праздником¹ и от души желаю, чтобы Вы провели как его, так и наступающую весну в полном здоровье и весело.

Мама и сестра² шлют Вам также свой самый искренний привет и поздравление. — Прошу Вас передать наш глубокий поклон и многоуважаемой Марии Петровне.

В этом году я с особенным нетерпением жду весны, ибо надеюсь только с наступлением теплых дней получить и окончательное исцеление от своих болезней, которые, несмотря на все медицинские средства, никак, по-видимому, не хотят меня оставить. Головные боли, катаральное состояние желудка и простуда заставляют меня безвыходно оставаться в душных комнатах, не позволяя и помыслить показаться на чистый воздух. Время же это для хворанья самое неудобное: не за горами и экзамены...

Однако я надеюсь благополучно перенести все напасти и отдохнуть вполне во время предстоящих каникул.

Как-то поживаете Вы в мирной Воробьевке? Весна у Вас, вероятно, уже вполне наступила. — Думаю, и перевод Ваш «Фауста» второй части значительно уже подвинулся вперед...³

От всей души желая Вам и многоуважаемой Марии Петровне всего наилучшего, остаюсь

глубоко уважающий Вас
Михаил Харузин.

На конверте:

*Курская ж. дорога,
станция Будановка.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.*

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>, 30 мар<та> 1882; об.: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 31 мар<та> 1882.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 20—21; конверт — л. VIII. К данному письму приложено письмо Харузина к А. И. Иосту, помеченное тем же числом (см. ниже).

¹ Праздник Пасхи в 1882 г. выпал на 28 марта.

² Имеются в виду мать М. Н. Харузина Мария Михайловна и его сестра Вера. См. примеч. 6 к письму 1.

³ В ответном письме от 3 апреля 1882 г. (№ 16) Фет сообщал, что продолжает работу над переводом третьего акта «Фауста», «а 5, 1 и 2 кончены».

Харузин — А. И. Иосту

28 марта 1882 г. Москва

Собачья Площадь

в Москве.

18 $\frac{28}{III}$ 82.

Христос воскрес!

Поздравляю Вас, многоуважаемый Александр Иванович, с праздником Воскресения Христова и желаю Вам всего лучшего...

Надеюсь, что Вы в добром здоровье и не скучаете в Воробьевке. Вероятно,^a и погода у Вас прекрасная, не то, что в Москве: «цвет садовый дышит яблоней, черешней / Так и льнет, целует тайно и нескромно»...¹ в то время как у нас все кутаются еще в зимние шубы.

^a *Было начато: Дол<жно быть>*

Для меня на сей раз праздник вышел не радостен. После Вашего отъезда я не переставал хворать по сю пору. — В немецком языке существует весьма меткое выражение, которым вполне определяется мое положение в данную минуту, это — слово «kränkeln». ^b Мне кажется, лучше сильная болезнь, чем такое состояние хворости, когда человек, с одной ^c стороны, не настолько нездоров, чтобы лежать в постели, а с другой, чувствует упадок энергии и вялость.

Впрочем, теперь дело идет к весне и невольно тешишь себя самыми радужными мечтами.

Желаю Вам всего хорошего. Прошу передать мой поклон многоуважаемой Терезе Ивановне.²

Простите.

Остаюсь уважающий Вас

Михаил Харузин.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 30–31.

¹ Харузин неточно цитирует стихотворение Фета «В дымке невидимке...» (1873):

В дымке невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
И тебе не томно?
<...> (Фет. ССДП. Т. 5. Кн. 1. С. 40).

² Мать А. И. Иоста. См. о ней примеч. 1 к письму 16.

16

Фет — Харузину

3 апреля 1882 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

3 апреля.

Христос Воскресе!
Дорогой Михаил Николаевич!

Марья Петровна и Тереза Ивановна¹ просят меня присовокупить их сердечные поздравления с праздниками Вашей матушке и милей-

^b kränkeln — прихварывать (нем.).

^c Было: хворает

шей сестрице² и Ва<м>, что исполняю с величайшим удовольствием и признательностью.

Ставя по-своему правилу впереди всего неприятные иногда заботы о делах, зависящих от рук человека, прошу при случае, не теперь, когда Вас томят экзамены, уведомить меня о получении Вашего *Гербеля*, которого я велел отнести к Вам в день отъезда.³

Теперь поговорим о делах, от людей не зависящих. Здесь на первом плане является Ваша хвороба, которая не только Вам, но и мне ужасно досадна по сто и одной причине, из коих первая стоит всех, что такому молодцу, как Вы, хворать не полагается, не говоря о том, что болезнь тут более чем некстати. Тем не менее я уверен, что она не помешает Вам готовиться к экзамену, и все, Бог даст, обойдется благополучно. — Если, невзирая на совершенно по мне приходящуюся воробьевскую сферу, я тем не менее хвораю и принимаю хину, то это неудивительно в 61 год после моей жизни, выдавшей всякие виды.

Что касается до «Фауста», то он помаленьку идет, а когда дойдет до конца — не знаю. Работаю над 3 актом, а 5, 1 и 2 кончены. — Но я напишу целую книгу примечаний и объяснений на всего «Фауста».⁴ Вы, я думаю, заметили, что я *не люблю* никого стеснять ни своей личностью, ни своими желаниями, и потому только могу сказать как факт, что нам всем и мне в особенности будет приятно, если летом, поправившись с экзаменами и здоровьем, соберетесь в Воробьевку. Если же Бог пошлет Вам по сердцу эту мысль, то не делайте этого, не предва-рив меня письменно,⁵ иначе, как на грех, можете не застать меня дома, что, конечно, было бы для нас обоих неприятно.

Весна наша до сих пор все только собирается слететь, но пока слетет лишь в виде снежинок и ночных морозов. Но я как старый охотник жду вальдшнепов к 8 апреля.⁶ Они лучше людей знают настоящую весну. Будьте наконец совершенно здоровы и не забывайте

искренно предан<ного> Вам

А. Шеншин<a>.⁷

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 28—29. На почтовом бланке с адресом. К данному письму приложено письмо А. И. Иоста к Харузину, помеченное тем же числом (см. ниже).

¹ Речь идет о Терезе Ивановне *Иост*, матери А. И. Иоста, управляющего имениями Фета; по настоянию Фетов она поселилась в Воробьевке и стала близким человеком в их семье, помогая не только по хозяйству, но и в работе поэта над переводом «Фауста», написании писем (Фет стал терять зрение) и т. д. «Оглядываясь на свои тихие кабинетные труды, — вспоминал Фет о ней, — не могу без благодарности вспоминать доброй старушки, сделавшейся безотлучной гостьей моего

кабинета. <...> иногда давал Терезе Ивановне в руки гётевского „Фауста“, прося сосчитать стихи отдельных действующих лиц» (МВ. Ч. 2. С. 369–370).

² Мать Харузина — Мария Михайловна (урожд. Милютина), сестра — Вера Николаевна Харузина, впоследствии известный этнограф, мемуаристка. Подробнее о ней см. во вступит. статье.

³ Речь идет о томе с «Фаустом» (СПб., 1878) из «Собрания сочинений Гёте в переводах русских писателей», изданного поэтом, издателем и переводчиком Н. В. Гербелем (1827–1883). Этот перевод был выполнен Н. А. Холодковским.

⁴ Полный перевод «Фауста» Гёте был осуществлен Фетом в 1880–1883 гг. О значении этого масштабного труда в своей переводческой биографии Фет писал С. В. Энгельгардт 5 февраля 1881 г.: «„Фауст“ — это моя художественная религия — и пропаганда. Это вершина всего Гёте, и Вы убедились бы, вчитавшись в него — как я, благодаря только труду перевода, в него вчитался, — что там йоты нет лишней: и что прежде, при поверхностном, хотя и многократном чтении, мне казалось излишним, несущественным — теперь явилось органическим целым» (Фет. СПШ. С. 389). Фет в это время переводил вторую часть «Фауста» Гёте. 17 мая 1882 г. перевод был завершен, и поэт приступил к написанию Предисловия и комментариев (см. письмо 17 и примеч. 7 к нему).

⁵ О письме Харузина и его визите в Воробьевку летом 1882 г. сведениями не располагаем.

⁶ *Вальдшнеп* — вид перелетных птиц семейства бекасовых, ведет ночной образ жизни; основная среда обитания — старые влажные лиственные или смешанные леса с пустошами и перелесками. Объект спортивной охоты. Русское название имеет немецкое происхождение и аналогично слову *Waldschnefpe* (букв.: «лесной кулик»).

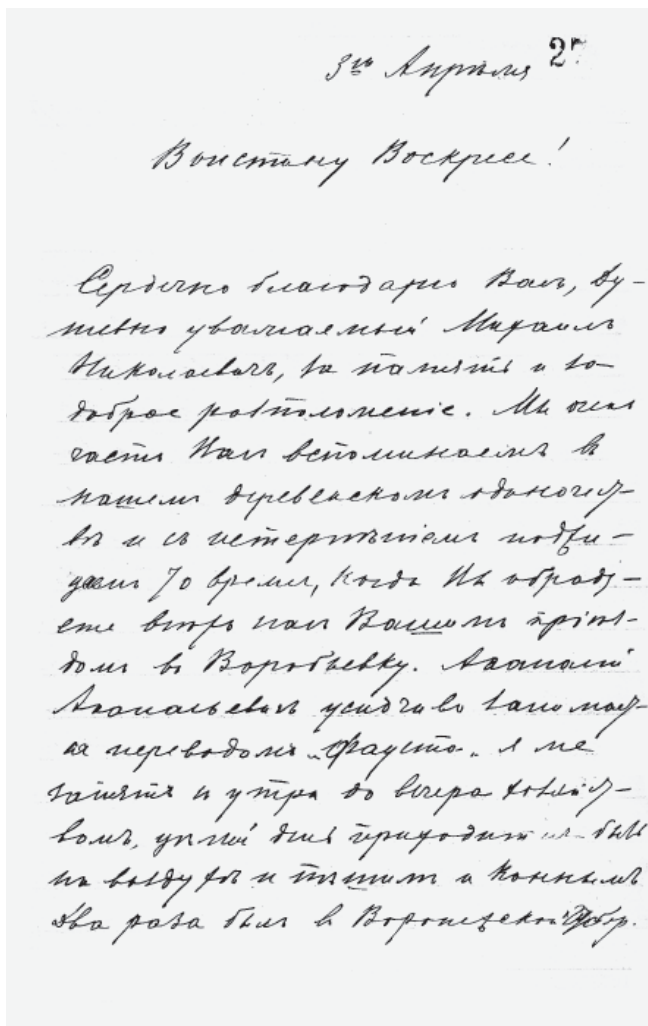
⁷ Фет отвечает на письмо Харузина от 28 марта 1882 г. (№ 15).

А. И. Иост — Харузину
3 апреля 1882 г. Воробьевка

3-го апреля.

Воистину воскрес!

Сердечно благодарю Вас, душевно уважаемый Михаил Николаевич, за память и доброе расположение. Мы очень часто Вас вспоминаем в нашем деревенском одиночестве и с нетерпением поджидаем то время, когда Вы обрадуете всех нас Вашим приездом в Воробьевку. Афанасий Афанасевич усидчиво занимается переводом «Фауста». ¹ Я же занят с утра до вечера хозяйством, целый день приходится быть на воздухе и пешим и конным. Два раза был в Воронежской губернии, ² вообще жизнь веду самую деятельную и чувствую себя очень хорошо. Афанасий Афанасьевич, приехавши из Москвы, ³ как-то все не так здоров, то лихорадка — голова и глаза, кажется, всё это еще сидит московская грязь, так как в деревне он никуда не выходит и простудиться нигде не мог. Как же это Вам не грех так упорно хворать, Вы бы серьезно занялись собою, а то нехорошо хандрить. Кончайте Ваши экзамены и приез-

Письмо А. И. Иоста к М. Н. Харузину от 3 апреля 1882 г.
Первая страница

жайте к нам в Воробьевку, мы общими силами вытрясем и исцелим Вас. У нас очень хорошо, солнышко ясно светит, жаворонки громко заливаются в вы-
соте, воздух такой теплый, ласкающий — успокаивающий нервы. Хотя еще ни
яблоня, ни черешня не цветут, но начинается уже показываться кое-где зелень.

Вчера приехали к нам *Марковы*, автор «Курских порубежников» и «Лихо-
летия» в «Историч<еском> вестнике» — со всей семьей — ночуют.⁴ Афанасий

Афанасьевич целый вечер проговорил и был очень расположен. Будьте так добры, поздравьте от меня и поцелуйте ручки у мамы и у милой сестрицы.

Итак, надеемся, что весной еще увидимся с Вами, а до того времени, пожелав Вам быть здоровым, остаюсь искренно

преданным Вам
А. Иост.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 27—28.

¹ В указанное время поэт работал над второй частью трагедии (см. письмо Фета того же дня к Харузину).

² В качестве управляющего А. И. Иост постоянно ездил в Грайворонку. Так, 20 марта 1882 г. Фет сообщал Д. П. Боткину, что Иост «завтра едет в свою Граворонку» (*ИРЛИ*. № 20268. Л. 25 об.).

³ Речь идет о переезде Фетов в Воробьевку. См. письмо 14 и примеч. 3 к нему.

⁴ *Марков* Владислав Львович (1831—после 1905), прозаик, брат публициста, критика и писателя Е. Л. Маркова; уроженец Щигровского уезда Курской губернии. В конце 1870-х — первой половине 1880-х гг. был мировым судьей в г. Щигры, в связи с чем, вероятно, и состоялось его знакомство с Фетом. В 1873 г. опубликовал в «Русском вестнике» (№ 5—7) исторический роман «Курские порубежники», повествующий о времени «смуты» (отд. изд.: М., 1895; СПб., 1898). Исторический роман «Лихолетье (Смутное время)» (*ИВ*. 1882. № 1—12; отд. изд.: СПб., 1897) стал продолжением «Курских порубежников» и пользовался читательским успехом. Убежденный монархист и государственный деятель, Марков оказался близок взглядам Фета.

17

Фет — Харузину

20 мая 1882 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.

20 мая.

СТАНЦИЯ

КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Дорогой

Михаил Николаевич!

Приятнее всего было мне узнать из письма Вашего от 15 мая, вчера полученного,¹ что здоровье Ваше восстановилось, и потому я несколько не сомневаюсь, что и экзамен Ваш будет в свое время введен в благополучную пристань. Я давно потерял нить университетских порядков, но казалось бы, что неподготовка по одному или двум предметам не мешала бы сбывать экзамены по другим. — Дорожа в человеке тем винтом, которым он способен буравить известное избранное место и который я склонен назвать усидчивостью, хотя это слово далеко не

говорит того, на что я указываю, я вполне уверен, что Вы обладаете этим винтом и пробуравите-таки себе на земле определенную точку. Я еще не откажу себе в удовольствии написать Вам, сообразив разные вещи; но представлю теперь приблизительное расписание нашего времени на это лето.

В самом конце мая мы едем, должно быть до 10 июня, в воронежскую деревню.² — А около 20-го ждем Дмитрия Боткина с семейством,³ а 29-го мы празднуем 25-летие нашей свадьбы.⁴ Поэтому, если Вы безразлично располагаете Вашим временем, то всего лучше было бы Вам приехать от 10-го до 29-го включительно. Обо всем этом я Вам напишу положительно тотчас же по прибытии из Воронежской губернии.⁵

Что сказать Вам про нас? или про себя? У нас полнейший и неисправимый неурожай, грозящий всей черноземной полосе голодом. Не верьте в этом никакому газетному вранью.⁶ Дождя за всю весну у нас, например, за исключением одного дня — в несколько капель — не было. Что будет делать народ? Известно Богу. Меня это мучает.

2 часть «Фауста» 3 дня <как> кончил и примусь за предисловие и комментарий.⁷

Александр Иванович в настоящее время в воронежском имении,⁸ и кажется, и там тоже бездождие и те же надежды, т. е. безнадежность.

Марья Петровна благодарит Вашу мамашу и сестрицу за любезную память и просит передать ее приветствия.

Будьте здоровы и не забывайте Вашими любезными строками

преданного Вам
А. Шеншина.⁹

Пишите на адресе

(Станица Будановка) Коренная Пустынь. — Наше административное чудо глупости и противуречия.¹⁰

Печатается по подлиннику: ОПИ ГИМ. Ф. 81. № 99. Л. 22—23 об. На почтовом бланке с адресом.

¹ Местонахождение письма Харузина к Фету от 15 мая 1882 г. неизвестно.

² 15 мая 1882 г. Фет сообщил Д. П. Боткину, что собирается около 1 июня «пробежать на Граворонку» (РГБ. Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 44 об.).

³ С Д. П. Боткиным и его семьей Фета и Марию Петровну связывали особо близкие отношения. См. об этом в статье Н. П. Генераловой «Фет в кругу Боткиных» в наст. томе. После смерти супругов в 1889 г. Феты поддерживали теплые отношения с их дочерью Елизаветой (Лилей) и ее мужем К. Г. Дункером (см.: Письма А. А. Фета к Е. Д. Боткиной (Дункер) (1887—1892) / Публ. Г. Д. Аслановой // ФетСб(1). С. 291—298).

⁴ Почему эта дата была назначена на 29 июня, сказать затруднительно. Бракосочетание Фета с Марией Петровной Боткиной, дочерью купца Петра Кононовича Боткина, состоялось 16 (28) августа 1857 г. в Париже.

⁵ См. ниже примеч. 8.

⁶ Публикации о предстоящем неурожае стали появляться в газетах позже, в июле. Так, в статье о положении в Зарайском уезде говорилось: «Начало весны было крайне неблагоприятно для всходов ярового и озимого хлеба: начиная с первых чисел апреля и кончая двадцатыми числами мая господствовала полная засуха; жары, довольно значительные в апреле, в мае доходили до 30° Р., — все это приводило в уныние нас, сельских хозяев; думали, что совсем останемся без хлеба. Но благодаря дождям, начавшим выпадать довольно часто в последних числах мая, хлеба поправились настолько, что мы рассчитываем на удовлетворительный урожай ржи и овса» (*Востоков И.* Из Зарайского уезда // *МВед.* 1882. 10 июля. № 189. С. 3). О майской засухе, «столь повредившей озимым хлебам», и июньских дождях см.: *Хлебный торговец.* Из Ельца // Там же. 18 июля. № 197. С. 4.

⁷ Данное сообщение Фета позволяет установить точную дату окончания перевода второй части «Фауста» Гёте — 17 мая 1882 г. Эта часть была снабжена обширным предисловием, представлявшим собой имеющий самостоятельное значение философско-эстетический трактат, и подробными комментариями, над которыми Фет работал до конца года (см.: *Фет А. А.* Предисловие и комментарии ко II-й части «Фауста» Гёте / Публ. Н. П. Генераловой // 175 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета. Сб. науч. трудов. Курск, 1996. С. 50—151). В феврале 1883 г. вторая часть «Фауста» в переводе Фета поступила в продажу в книжном магазине товарищества «М. О. Вольф» (*МВед.* 1883. 23 февраля. № 54. С. 1). Там же сообщалось, что в наличии имеется и первая часть.

⁸ Имеется в виду имение Грайворонка (Граворонка) Землянского уезда Воронежской губернии, с конским заводом, проданное Фету в конце 1874 г. братом П. А. Шеншиным за полцены (*Летопись (1985).* С. 172). Туда Фет отправился вместе с Вл. С. Соловьевым 1 июня 1882 г., где они провели около десяти дней (см. письмо Фета к Д. П. и С. С. Боткиным от 30 мая 1882 г.: *РГБ.* Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 46 об.).

⁹ Ответное письмо Харузина последовало 22 мая 1882 г. (№ 18).

¹⁰ О станции Будановка см. примеч. 1 к письму 1. После 1879 г. станция получила название Коренная Пустынь, что внесло немало путаницы при почтовых отправлениях.

18

Харузин — Фету
22 мая 1882 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.

18 $\frac{22}{V}$ 82.

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасьевич!

Прежде всего искренно и от всей души приветствую Вас с окончанием перевода второй части «Фауста».¹

Истинно подвиг совершили Вы. Это заслуга перед нашей литературой, драгоценный подарок русскому народу. Пусть только пройдет то тревожное настроение, которое переживает теперь наше общество, пускай минует это время, в которое занимаются всем на свете, кроме изящной литературы — и «Фауст» в Вашем переводе будет у каждого образованного русского настольной книгой.

С нетерпением я ожидаю появления в печати и второй части и комментария.

С грустью прочел я другую новость — о предстоящем неурожае. Неужели же снова должен настать голод и народное бедствие в одной из плодороднейших в свете местностей?!²

Что касается до университетских экзаменов, то существующий ныне закон предписывает держать *все* назначенные советом профессоров экзамены одновременно и раздробления ни в каком случае не допускают.³ Таким образом, студент, захворавший в мае в середине экзаменов, обязан в августе снова подвергаться испытанию и по тем предметам, по которым он уже получил раз удовлетворительные отметки в мае.

Многоуважаемый Афанасий Афанасиевич, я нахожусь в нерешимости, как поступить ввиду сложившихся обстоятельств. Дело в том, что я намеревался один свободный у меня месяц употребить на экскурсию в Вятскую губ<ернию> и таким образом выполнить хотя одну часть предполагавшегося летнего путешествия⁴ и расстроившегося теперь ввиду предстоящих экзаменов. Я предполагал выехать в путь около июня 10-го, чтобы иметь возможность заблаговременно вернуться в Москву. Вопрос этот был бы для меня решен, если бы Вы позволили мне приехать в Воробьевку осенью, после экзаменов.⁵ Но это может быть неудобно для Вас? Во всяком случае я буду ожидать обещанной Вами мне весточки.⁶

Прошу Вас передать мой глубокий поклон многоуважаемой Марии Петровне.

Мама и сестра также шлют Вам свой привет.

Остаюсь глубоко Вас уважающий

Михаил Харузин.

Прошу Вас поклониться от меня и Александру Ивановичу.

На конверте:

Московско-Курской ж. д.,
станция *Будановка*.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 22–23 об.

¹ Перевод обеих частей трагедии Гёте «Фауст» был опубликован в Москве в 1882–1883 г. Первое упоминание о работе Фета над «Фаустом» относится к октябрю 1880 г., а уже в декабре один из списков перевода находился в Петербурге у Н. Н. Стрехова. Тем временем автор продолжал вносить в текст поправки; конец декабря – январь (до 20-х чисел) он провел в Петербурге и в Москве, где читал «Фауста» знакомым. «Что касается до перевода „Фауста“, – писал Фет племяннику П. И. Борисову 25 января 1881 г., – то он производит громадное впечатление, о чем можешь судить по Владимиру Соловьеву (вот память!). Я прочел ему в 2 вечера свой перевод и просил просмотреть для сделанья замечаний. Он прочел его в одну ночь, и, когда зашла речь о петербургском списке у Стрехова, в котор<ом> нет позднейших поправок, то Соловьев сказал: „Не беспокойтесь, я их восстановлю по памяти. Я всю ночь не мог оторваться от перевода и знаю его теперь наилучше“. <...> „Фауст“ удался мне вполне. Знатоки говорят, что вполне впечатление немецкого. Лучшей похвалы не желаю» (РГБ. Ф. 315. Оп. 2. К. 2. № 41. Л. 1–1 об.). См. также письмо Фета к С. В. Энгельгардт от 5 февраля 1881 г. (Фет. СПШ. С. 387–390). Одобрение аудитории укрепило автора в намерении издать перевод как можно скорее; книга вышла из печати в конце февраля 1882 г. (Фауст. Трагедия Гёте. Ч. 1 / Пер. А. Фета. М., 1882; ценз. разрешение: 21 декабря 1881 г.). Объявление о продаже см.: *МВед.* 1882. 28 февраля. № 59. С. 2. Вторая часть «Фауста» в переводе Фета поступила в продажу через год, в феврале 1883 г. Объявление о продаже см.: *МВед.* 1883. 23 февраля. № 54. С. 1. Вторую часть поэт посвятил вдове А. К. Толстого С. А. Толстой (см. *Кузьмина И. А. С. А. Толстая, С. П. Хитрово и Фет: к истории отношений* // *РЛ.* 2005. № 1. С. 133).

² Во второй половине мая 1882 г. в ряде газет публиковались статьи о предстоящем неурожае и возможном голоде, вызванных засухой. См. письмо 17, примеч. 6.

³ Не исключено, что обширная статья о произволе профессоров и сложной системе сдачи экзаменов на юридическом факультете Московского университета, подписанная «Студент», была написана Харузиным и отредактирована Катковым, сославшимся на нее в своей редакционной статье (см.: *Студент.* К вопросу об университетских экзаменах // *МВед.* 1882. 10 августа. № 220. С. 4); подробнее об этом см. во вступит. статье.

⁴ Первую экспедицию в Вятскую губернию Харузин предпринял в 1881 г., будучи студентом; во вторую, уже этнографическую, молодой ученый отправился летом 1882 г. В этой поездке его сопровождал младший брат Алексей. Подробнее см. во вступит. статье.

⁵ Сведениями о приезде Харузина в Воробьевку осенью 1882 г. не располагаем.

⁶ Фет ответил Харузину 27 мая 1882 г. См. письмо 19.

19

Фет — Харузину

27 мая 1882 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

27 мая.

Дорогой Михаил Николаевич!

Марья Петровна просит передать мамаше и сестрице Вашей ее признательность за память и поклоны. Вы всегда найдете во мне полное сочувствие ко всем Вашим начинаниям, так как я постоянно вижу в них одно хорошее.¹ Если по окончании Ваших экзаменов, с вольной душой сберетесь в Воробьевку, то все мы будем Вам очень рады,² лишь бы это не было какой-то совершенно между нами ненужной формой любезности. Я и так чувствую, что беседа моя старческая имеет для Вас нравственное значение, и лично для меня совершенно все равно видеть ли Вас в Москве или Месопотамии. Говорю Вам это раз навсегда. — Итак, до приятного и вполне удобного для Вас свидания.

В настоящее время гостит в Воробьевке известный Вам и всей грамот<ной> России Владимир Сергеевич Соловьев, этот по голове и сердцу идеальный человек.³ Около 20 июня будет Страхов проездом в Крым.⁴ На днях уезжаем с Соловьевым в нашу воронежск<ую> деревню.⁵

Теперь к Вам просьба. Поезжайте к книгопродавцу *Куну*, что на Кузнецк<ом> мосту,⁶ и скажите ему, чтобы он под бандеролью выслал Московско-Кур<ской> жел<езной> дороги станцию *Будановку* (проклятое почтовое ведомство по сих пор не знает, что она уже Корен<ная> Пустынь) Шеншину «Goethes Faust *erster Theil* erläutert v. Heinrich Düntzer».⁷ Я взял у него (Куна) вторую часть, но для связи мне нужна теперь и первая. А делать это через неинтеллигентные руки опасно, а Куну высылать деньги по почте, не знаю сколько и надо посылать в Курск. Это не свыше 2 рублей. Заплатите ему свои, которые при первом свидании возвращу Вам с великим усердием. Вы меня этим премного одолжите.

Крепко жму Вашу руку

преда<нный> Вам
А. Шеншин.

¹ Фет отвечает на письмо Харузина от 22 мая 1882 г., в котором тот сообщал, что не может приехать в Воробьевку, поскольку собрался в экспедицию (см. письмо 18). *Мамаша и сестрица* — М. М. и В. Н. Харузины.

² В своем письме Харузин жаловался на то, что ему придется заново сдавать уже выдержанные экзамены, которые не засчитывались, если студент пропустил хотя бы один по какой-то причине (см. письмо 18).

³ С поэтом, философом и публицистом Вл. С. Соловьевым (1853—1900), сыном своего университетского товарища, известного историка С. М. Соловьева, Фет познакомился в 1881 г. и состоял с ним в дружеских отношениях и переписке (см.: *ФетСб(2)*. С. 359—427). Соловьев помогал Фету в переводах «Фауста» Гёте и римских поэтов, а также в составлении первого выпуска сборника стихотворений «Вечерние огни» (1883). В летние месяцы он несколько раз гостил в Воробьевке. В этом году он приехал 20 мая, о чем сообщил телеграммой из Киева (Там же. С. 379), и гостил у Фетов до начала июня.

⁴ 13 мая 1882 г. Н. Н. Страхов сообщал Фету, что выедет из Петербурга 15 июня и, вероятно, дней через пять будет «в истинно-великолепной Воробьевке» (см.: *Фет/Страхов*. С. 344).

⁵ О том же писал Фет Д. П. Боткину (см. примеч. 8 к письму 17).

⁶ Речь идет о московском книгопродавце Эдуарде (Эдмунде) *Кундте*, книжная лавка которого находилась на Кузнецком мосту. В письме к А. В. Олсуфьеву от 28 января 1887 г. Фет писал: «Кундту я давал на комиссии несколько экземпляров первой части своего „Фауста“, и он, кажется, не продал ни одного» (Письма А. А. Фета к А. В. Олсуфьеву / Публ. Г. Д. Аслановой // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1995. Вып. 50. С. 232).

⁷ Имеются в виду основательные комментарии к «Фаусту» немецкого филолога и историка литературы Иоганна Генриха Иосифа *Дюнцера* (1813—1901): *Düntzer H. Goethe's Faust: Erster und zweiter Theil. Zum erstenmal vollständig erläutert* (Bd. 1. Leipzig, 1850; Bd. 2. Leipzig, 1851; 2 Aufl. 1857). Издание Дюнцера, впоследствии неоднократно переиздававшееся, понадобилось Фету для составления комментариев ко второй части «Фауста» и вступит. статьи (см. письмо 17 и примеч. 7 к нему).

20

Фет — Харузину

7 июня 1882 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

7 июня.

Любезнейший

Михаил Николаевич!

Если на своем экзаменационном Рубиконе¹ Вы не забыли любезного обещания пожить с нами, то очень будем рады встретить Вас в Воробьевке.² Если Вы выедете 12-го июня в 3 часа дня с почт<овым> по-

ездом, то, вероятно, мы прибудем из Мценска, где я буду 12-го на съезде судей, в том же поезде.³ На Будановке (ныне Коренн<ая> Пустынь), кроме того, всегда за 1 рубль коляска доставит Вас в Воробьевку, где мы безвыездно пробудем все лето.

Берите необходимые книги и можете по грамматикам беспрепятственно, правильно читать, писать и говорить.

Всем Вашим передайте наши общие с женой усердные приветствия и будьте здоровы.

Преданный Вам
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 18—18 об. На почтовом бланке с адресом.

¹ *Рубикон* — небольшая река в Римини (Италия), символ условной или реальной границы, перейти которую — значит принять бесповоротное решение.

² В 1878—1892 гг., как правило, с 1 марта по 1 октября Феты жили в своем курском имении Воробьевка.

³ 12 июня 1882 г. Фет был на съезде мировых судей во Мценске.

21

Харузин — Фету

7 сентября 1882 г. Москва

Собачья Площадь

в Москве.

18 $\frac{7}{IX}$ 82.

Глубокоуважаемый

Афанасий Афанасиевич!

Прежде всего позвольте мне попросить у Вас извинения, что до сих пор не писал Вам. Тотчас же после моего возвращения в Москву я усиленно стал готовиться к экзаменам. Так продолжалось до сего дня. Теперь я снова свободен и спешу, не медля ни минуты, написать к Вам. Здоровы ли Вы и многоуважаемая Мария Петровна? Все это время я никуда не выезжал, а потому и не мог ничего узнать. — Отправляясь в глушь Вятского края, я поручил содержателю гостиницы в у<ездном> гор<оде> Сарапуле отослать к Вам по телеграфу мое поздравление на 29-ое июня.¹ Не знаю, исполнил ли он мое поручение. В противном случае, прошу Вас принять мое хотя и запоздалое, но тем не менее искреннее поздравление.

Теперь позвольте мне сказать несколько слов о моем путешествии. Оно и на сей раз было для меня во многом интересно. Первая его половина — поездка по Волге и Каме, вплоть до Сарапула — была довольно однообразна и бесцветна.² Совершенно в другом роде оказалась его вторая половина. Лишь только я оставил скучный Сарапул, как для меня начался целый ряд сюрпризов. На сравнительно небольшом пространстве земли, занимаемом Сарапульским уездом, скучились различные племена. Русские, тептяри,³ черемисы, башкиры, татары и опять русские съехались сюда словно на выставку. Едва успел отдохнуть от массы новых впечатлений, бурной волной нахлынувших, как снова приходится изумляться, наблюдать и обдумывать.

Близость таких важных путей, как Волга и Кама, соседство заводов и постоянные торговые сношения наложили свой отпечаток на здешних крестьян: они отчасти поддаются влиянию заводской цивилизации. Старые песни поют лишь старики, а молодежь уважает больше «городские» песни, кот<орые> не что иное, как варианты на^a разные фабричные темы. На свадьбах Вы не увидите русской пляски: здесь в моде последняя фигура кадрили с вариациями на русский лад, вроде отбивания ногами, скачков и вскрикиваний. — О наших казенных заводах, рассеянных по всей древней Биармии,⁴ я имел весьма смутное представление. Не трудно представить себе поэтому мое удивление, когда я после длинной и живописной дороги по лесу внезапно с вершины холма, на котором мы ехали, увидел вместо воображаемой фабрики с длинной трубой и двух-трех домиков целый город. Первое, что мне встретилось при въезде в Ижевский оружейный завод, было «Питейное заведение, продажа распивочно и на вынос», затем «Питейный дом Ведерникова», потом опять «Продажа вин и водок» и тут же, лишь по другую сторону улицы, «Ренсковый погреб»⁵ и т. д. в том же стиле. У всех этих увеселительных заведений кучами толпился народ (было воскресенье), отчаянно выла «гармония», слышалась заливчатская песня и сыпался целый фейерверк разных отвергнутых нашим литературным языком выражений... Проходя по площади, я увидел высокий обелиск, а вокруг него небольшой парк, обнесенный решеткой.⁶

— По какому случаю поставлена эта колонна? — спросил я шедшего рядом станкового пристава.

— Да не умею Вам сказать. Впрочем, там надпись есть; Вы можете прочесть.

— А Вы давно здесь живете? — поинтересовался я узнать.

— Да вот уж третий год пошел.

^a Было: 1 нрзб другой лад романсов

Этот «интеллигент» в два года не поинтересовался узнать, почему стоит среди города колонна! — Нужно мне было отослать письмо. Я часа два искал почтового ящика, наконец указали мне почтовую контору — на высокой горе и притом на самом конце города. Здесь выставлен ящик для приема писем иногородней и *городской* корреспонденции. Видя, что более неудобного места нарочно не найдешь, я решился спросить.

— Неужели во всем городе нет другого ящика?

— Никак нет-с.

— Да ведь так всякая охота пройдет писать, если каждый раз на такую высь взбираться приходится.

— Так точно. Да у нас и пишут-то весьма мало. Все больше друг к другу сами ходят. Оно и лучше: чайку можно попить да побеседовать, а то и по рюмочке пропустить можно.

Вот каков рассадник местной цивилизации, вот какова местная интеллигенция!..

Но вперед, вперед! поближе к матери-природе! Какие чудные места иной раз встречались по дороге. Местность повсюду холмистая, в некоторых местах открываются прекрасные виды на окрестности. В другой раз дорога свертывает в лес. Тут белые березы перемежаются со стройными елями, с задумчивыми пихтами; есть здесь^b и лиственница и сосна, а местами попадает даже дуб. Все это придает весьма веселый вид лесу, и нет здесь того угрюмого однообразия северных лесов Олонецкой и Архангельской губ. Так и тянет в эту свежую и душистую глубину: лишь только перестает уныло стонать почтовый колокольчик, оттуда слышится, как тоскует кукушка, как молодецкою песнью заливаются соловей... — Но вот уже я далеко от этих мест. Потянулась однообразная печальная равнина. Местами встречаются хлеба, побитые градом, местами торчат одиноко ели и пихты, последние могилы бывших дремучих лесов, теперь красно-речивые обличители людской злобы и близорукости, уничтожившей и здесь несметные богатства лесные. Вон вдаль показалась деревушка. Здесь живут вотяки.⁷ Избы обращены окнами на двор, так что на улицу выходит одна задняя их сторона. Словно сказочные «избушки на курьих ножках», стоят они в беспорядке. Не скоро мы нашли пристанище. Вотяки крайне негостеприимны. Они не хотели впускать нас к себе, отговариваясь, что клопов или детей много, или что избу не мыли.^c — Мои хозяева глядели на меня со страхом и с подозрительностью. В ожидании самовара я вышел на улицу. У задворка играли ре-

^b здесь — *вписано над строкой.*

^c *Было: что изба не мыта*

бятя и не замечали меня. Подошел к ним, я крикнул: «Здравствуйте». Ребятишки, увидав меня, затряслись от страха и побледнели, а когда опомнились, пустились бежать. Встретив наконец взрослого вотяка, я остановил его и стал разговаривать, но он на все мои вопросы отвечал лаконически «не знаю» и наконец отошел в сторону.⁸ Я был в отчаянье. Счастье, однако, меня не покинуло. Когда я угостил хозяина «кумышкой» (водка),⁹ он стал разговорчивее, и спустя некоторое время я уже записывал всевозможные сведения.

Я упомянул о кумышке. Вотяки готовят ее сами и пьют в большом количестве. К Петрову дню,¹⁰ кот<орый> особенно почитается у вотяков, все добрые хозяева заготавливают этот напиток для пирушек. Из боязни пожаров они заставляют своих жен и дочерей курить кумышку на берегу реки. Мне хотелось посмотреть, как готовят кумышку. Хозяйский сын вызвался проводить меня к реке. Совсем стемнело на дворе, когда мы вышли из избы. Полный месяц сиял восхитительно. Он обливал^d своим мягким светом всю печальную равнину, скользил по крышам изб и серебрил верхушки елей соседней рощи. Мы вышли за деревню и уже начали спускаться к речке, как вдруг я остановился как вкопанный. До моего слуха долетели какие-то странные звуки неведомого мне инструмента. «Это у нас называется гуслиями»,¹¹ — пояснил мне мой проводник. Не успел я прислушаться к своеобразной игре, как оттуда же из лощины долетели звуки женского голоса. Как передать Вам характер этой песни? Она была печальна, как природа вотской страны, она была дика, как дик язычник-вотяк, она была поразительно оригинальна и вместе с тем приятна для слуха. Я не хотел помешать певице своим появлением, я не хотел оторваться от этих не слыханных еще мною звуков гуслей и вотской песни... Наконец мы спустились в лощину. Тут на берегу речки под деревянным навесом разложен был костер, и в котле кипела чародейная кумышка. Вокруг огня сидели три женщины и парень с гуслиями. Поздоровавшись, я спросил, о чем пелась песня, и услышал поэтическую повесть о несчастной любви. — Я^e просил еще^f спеть что-нибудь и долго сидел у костра, прислушиваясь к звукам гуслей и к печальной вотской песне. В котле кипела кумышка, любимый напиток стариков. Под обаянием^g ее чар они будут скоро веселиться, станут чувствовать своих древних богов, будут бражничать с утра до ночи в продолжение всей недели... А месяц по-прежнему сиял на темном своде

^d Было: а) зачеркнуто: Местами б) Он освещал

^e Далее зачеркнуто: еще

^f еще — вписано над строкой.

^g Было: влиянием

небес, ласкал холодную струю реки и лил свой яркий блеск на весь бледный и пустынный ландшафт...

Много, много интересного узнал я от вотяков. Но всего пересказать в письме невозможно.¹² — Я очень боюсь, не слишком лишь злоупотребил Вашим любезным позволением писать к Вам. Простите меня, если я против воли утомил Вас своим письмом. Я всеми силами старался рассказывать короче, но воспоминания нахлынули вдруг такой массой, что трудно стало разобраться в них.

Прошу Вас передать мой глубокий поклон многоуважаемой Марии Петровне.

Остаюсь глубоко уважающий Вас

Михаил Харузин.

Р. S. Прошу Вас передать мой^h искренний привет и Александру Ивановичу.¹³

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 24—27. Сохранился оборот конверта без почтовых штемпелей, в центре которого неизвестной рукой надпись карандашом: «Харузин». Возможно, конверт не от этого письма.

¹ Местонахождение этой поздравительной телеграммы Харузина, адресованной Фету, неизвестно. 29 июня Феты отмечали 25-летие своей свадьбы, см. письмо Фета от 20 мая 1882 г. (№ 17).

² *Сарапул* — уездный город Сарапульского уезда Вятской губернии. Харузин был одним из первых исследователей этого края; свои наблюдения ученый вскоре опубликовал в «Юридическом вестнике» (1883. № 2; см. также во вступит. статье). Летом 1887 г. исследование было продолжено П. М. Богаевским, посвятившим свой очерк Н. Н. Харузину, брату Михаила (см.: *Богаевский П. М. Очерк быта Сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии при Дашковском музее. М., 1888. Вып. 3. С. 14—15; отд. изд.: М., 1888. 64 с.*). Незадолго до Харузина исследованием вотяков занимались фольклористы и этнографы, работы которых, возможно, были известны Харузину: *Кошурников В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии: Этнографический очерк. Казань, 1880; Гаврилов Б. Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губернии. Казань, 1880 и др.*

³ В XIX в. *тетяри* — малочисленный этнос, поглощенный башкирами. К началу XX в., согласно Брокгаузу и Эфрону, «тепте(я)ри — это народность, образовавшаяся из различных беглых элементов из среды приволжских финнов и чуваш, с течением времени совершенно отатарившаяся. Исповедуют мусульманство; живут среди башкир, в количестве 300000 чел., в губ. Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской» (см.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1901. Т. 32а. С. 941—942).

^h Было: мое

⁴ *Биармия* (норв. Vjarmeland) — известная по сагам и летописям историческая область, которая, согласно средневековым картам Скандинавии, предположительно располагалась между Онежским озером и Онежской губой Белого моря.

⁵ *Рейсковый* (от *рейнских* вин) *погреб* — магазин, торгующий алкогольными напитками, в том числе иностранными, навывнос, в количестве не более трех ведер (около 37 литров) для крепких напитков. Виноградные вина отпускались без ограничений.

⁶ Вероятно, речь идет о стеле (Михайловский столп), возведенной в Ижевске в честь великого князя Михаила Романова, который возглавлял артиллерийское ведомство и был высшим начальником ижевского оружейного завода; столп был уничтожен в советский период и восстановлен в 2007 г.

⁷ *Вотяки*, или удмурты, населяют центр Сарапульского уезда Вятской губернии.

⁸ В одном из этнографических описаний этой народности говорилось: «В характере вотяка мы встречаем такие черты, которые общи всему финскому племени, к пермской группе которого он принадлежит. Упрямство, скрытость и подозрительность — качества, свойственные каждому вотяку. Впрочем, все эти качества проявляются только в его отношениях к посторонним. В кругу своей семьи он постоянно бывает откровенен, весел и доволен» (*Богаевский П. М.* Очерк быта Сарапульских вотяков. С. 14—15).

⁹ *Кумышка* — водка у вотяков, местный самогон. В Удмуртии до сих пор хранят древнюю традицию приготовления и потребления кумышки. Так называется местный самогон, который варят (курят), как правило, женщины. Название произошло от тюркского слова «кумыс», который готовился таким же способом из кобыльего молока. Технология приготовления проста: на огонь ставят котел с забродившей пшеницей или картофелем, над котлом помещается деревянная бочка с холодной водой, а через нее проходит медная трубка, через которую капает готовая кумышка. На каждого пьющего мужика приходилось до «пяти ведер кумышки в год» (см.: *Орлов В. Д.* «Кумышка» — водка вотяков. СПб., 1891).

¹⁰ Петров день — день святых апостолов Петра и Павла в народном календаре славян приходится на 29 июня (12 июля) — день прощания с весной, когда совершалась первая прополка, подготовка к сенокосу, с этого дня начинались летние свадьбы.

¹¹ Гусли имели широкое распространение в быту всех поволжских народов. У удмуртов гусли имели струны из конского волоса, которые крепились с помощью узла на фигурном бруске; при игре исполнитель держал инструмент на коленях вертикально, большим и указательным пальцами правой руки играл мелодию, защищая одновременно по две струны. Игра на гуслях была неотъемлемым атрибутом молений, ритуальных действий жрецов (при жертвоприношениях), а также компонентом обряда первой борозды (аграрная магия), свадебного обряда (*Карпов А. М.* Древние музыкальные инструменты // Истоки искусства Удмуртии. Ижевск, 1989. С. 17—19).

¹² Свои полевые наблюдения над бытом вотяков Харузин изложил в статье «Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда Вятской губернии» (см. примеч. 2 к наст. письму).

¹³ Имеется в виду А. И. Иост.

22

Фет — Харузину

20 сентября 1882 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

20 сентября.

Любезнейший

Михаил Николаевич!

Интересное письмо Ваше имел удовольствие получить из Воробьевки,¹ где мы снова со вчерашнего дня все вкупе, в Москве, где на скорую руку отпраздновали бракосочетание Алек<сандра> Ивановича с племянницей жены моей, гостившей у нас Ольгой Ивановной Щукиной.²

Так как там за исключением шафера Соловьева никого не было сторонних, то мы и извещаем Вас о свадьбе, которая затормошила меня старика. При свидании все объясню, а думаем хором вернуться на Плющиху в конце октября, а до тех пор просим принять и передать наши общие приветствия Вашей матушке и сестрице. Будьте здоровы и не забывайте

искренно любящего Вас

А. Шеншина.³

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 15—16. На почтовом бланке с адресом.

¹ Вероятно, речь идет о письме Харузина от 7 сентября 1882 г. (№ 21).

² Бракосочетание управляющего имениями Фета А. И. Иоста с племянницей Марьи Петровны Ольгой Ивановной Щукиной (1863—1930) состоялось летом 1882 г., вероятно в июле (см. письмо 23). Ввиду особых обстоятельств, оно прошло в узком семейном кругу. О. И. Щукиной Фет посвятил стихотворения: «Ольге Ивановне Щукиной» («Спасибо Вам, мы вспоминаем...», 1880); «Ольге Ивановне Щукиной» («Желаю Оле здоровья боле...», 1881); «Ольге Ивановне Иост при получении вышитых туфель» («Опять меня балуешь ты...», 1888) и др. (см.: *Фет. СС и П*. Т. 5. Кн. 2. С. 101, 105, 145, 442—446, 453, 520). Поэт много способствовал этому браку. История любви Александра Ивановича и Ольги нашла свое отражение в рассказе Фета «Кактус» (см.: *Кузьмина И. А.* А. А. Фет и «действующие лица „Кактуса“» (По неопубликованным письмам А. Л. Бржеской) // *РЛ*. 2008. № 2. С. 131—143).

³ Харузин ответил Фету 28 сентября 1882 г. (см. письмо 23).

23

Харузин – Фету
28 сентября 1882 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
18 $\frac{28}{IX}$ 82.

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасиевич!

Вернувшись третьего дня из Троицко-Сергеевой Лавры,¹ я получил Ваше дорогое мне письмо, письмо, которое я с таким нетерпением ожидал.²

Я до последнего времени не знал, что Вы были в Москве, а о свадьбе Александра Ивановича³ узнал, к сожалению, слишком поздно, вследствие чего и не успел принести ему свое поздравление.

Правда, проезжая как-то еще, кажется, в конце июля месяца по Плющихе в Новодевичий монастырь, я заметил, что занавески на окнах Вашего дома были подняты, и у меня мелькнула, было, мысль, не приехали ли Вы из деревни. Но я тотчас же усумнился в этом предположении, ввиду того что в это время года у Вас бывает много хлопот в имении.

Обычные лекции на нашем факультете уже начались. Я провожу время в посещении университета и в занятиях дома. С нетерпением ожидаю того времени, когда Вы снова переедете на Плющиху и когда у меня будет возможность увидеть Вас лично.

Мама и сестра⁴ шлют Вам и многоуважаемой Марии Петровне самые искренние приветствия. Прошу Вас и от меня передать глубокий поклон Марии Петровне, а также и Ольге Ивановне и Александру Ивановичу.⁵

Желая Вам от всей души всего самого лучшего, остаюсь глубоко Вас уважающий

Михаил Харузин.

На конверте:

Московско-Курской ж. д.
<с>г. Коренная пустынь (Будановка).
<Его> Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>, 28 сен<тября> 1882; об.: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 29 сен<тября> 1882; Почтовый вагон 15, 30 сен<тября> 1882.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 28—29 об.; конверт — л. X.

¹ См. примеч. 2 к письму 8.

² См. письмо Фета к Харузину от 20 сентября 1882 г. (№ 22).

³ Речь идет о свадьбе А. И. Иоста и О. И. Щукиной (см. примеч. 2 к письму 22).

⁴ Мать — М. М. Харузина, сестра — В. Н. Харузина (подробнее о ней см. во вступит. статье).

⁵ Речь идет о семье Иостов.

24

Фет — Харузину

2 ноября 1882 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА СОБ. ДОМ
№ 481.

2 ноября.

Любезнейший
Михаил Николаевич!

Сегодня мы, стыдно сказать, едем смотреть каких-то говорящих кукол в Нем<е>цк<ом> клубе.¹ Приходите, если можете, обедать завтра и захватите, если есть под руками, Горация с комментариями,² а нет, так просто текст подлинный. Это наверное у Вас есть.

Мне для *ars poetica*.³

Ваш А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: ОПИ ГИМ. Ф. 81. № 99. Л. 17. На почтовом бланке с адресом.

Год устанавливается на основании упоминания о трактате Горация «О поэтическом искусстве», включенного в первый выпуск «Вечерних огней», который в это время готовился к печати. Если бы речь шла о полном Горации, вышедшем в конце следующего, 1883 г., Фету не понадобился бы ни том Горация на латинском языке, ни комментарии к нему, поскольку во время работы над Горацием он располагал несколькими изданиями (см.: *Фет. ССчП*. Т. 2. С. 562—563).

¹ Московский немецкий клуб с октября 1860 г. располагался в доме бывшего владельца А. Л. Торлецкого, по проекту, приписываемому архитектору К. А. Тону (ныне здание Центрального дома работников искусств; Пушкинская, 9). С 1870-х гг. в Клубе начинают устраиваться литературные чтения, вечера поэзии, концерты, спектакли и другие культурные мероприятия. О каком кукольном спектакле идет речь, установить не удалось.

² Фет на протяжении жизни неоднократно обращался к творчеству римского поэта Квинта Горация Флакка. Первые переводы были сделаны им еще в студенческие годы. В 1883 г. он завершил и выпустил в свет перевод всего Горация, за что в 1884 г. был удостоен Академией наук полной Пушкинской премии (см. об этом: *Фет. СС и П.* Т. 5. Кн. 1. С. 560—561).

³ Речь идет о переводе эстетического трактата Горация «О поэтическом искусстве. К Пизонам» (*De arte poetica*) («Если бы вдруг живописец связал с головой человечей...»), который был сделан Фетом, по его собственному признанию, еще в 1860-е гг. (см.: *МВ.* Ч. 2. С. 387). Попытки напечатать его в «Русском вестнике» не увенчались успехом (см.: *Фет/Боткин.* С. 404—405). Готовя полный перевод Горация отдельным изданием, Фет включил в него послание «К Пизонам», однако счел необходимым поместить этот перевод и в первый выпуск «Вечерних огней» (1883), вышедший ранее: Вечерние огни. Собрание неизданных стихотворений А. Фета. М.: Типография А. Гатцука, 1883. С. 164—213. Объявление о поступлении в продажу: *МВед.* 1883. 11 февраля. № 42. С. 1.

25

Фет — Харузину

8 ноября 1882 г. Москва

Телеграмма

Любезного именинника и его семейство поздравляют

Шеншины.

На обороте: Собач<ья> пл<ощадь>, С<обственный> д<ом>.

Михаилу Николаевичу Харузину.¹

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ.* Ф. 81. № 99. Л. 26—26 об. Телеграмма № 17513, текст записан графитовым карандашом.

¹ Поздравление с именинами, см. письмо 11 и примеч. 1 к нему.

26

Фет — Харузину

11 ноября 1882 г. Москва

11 ноября.

Дорогой

Михаил Николаевич,

Текст верен, не найдете ли ошибок, просмотрите, если успеете, при нарочном и возвратите, если же нет Вас дома, пришлите сегодня для отправки в типографию.¹

Ваш

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 7.

Год устанавливается по содержанию и по связи с письмом 27, где упоминается типография А. Гатцука, в которой печатался перевод «Фауста».

¹ Очевидно, речь идет о корректуре второй части «Фауста» Гёте в переводе Фета, в вычитке которой помогал Харузин, что и позволяет уточнить год написания записки. О пометах Харузина и Фета на фетовском переводе «Фауста» см. во вступит. статье, а также: *Ивашкина С. Е.* М. Н. Харузин — новое лицо в окружении А. А. Фета. С. 14.

27

Фет — Харузину

17 ноября 1882 г. Москва

Дорогой Михаил Николаевич

Текст верен.¹ Просмотрите и отметьте ошибки, и, если нет важных, завезите по дороге в универ<ситет> к Га<т>цуку.² Я, чтобы не задерживать, надписал: печатать. Если успеете, отдайте моему нарочному, или перешлите ко мне, хотя от Вас расстояние и до Никитск<ого> бульвара и до меня то же.

Ваш

А. Шеншин.

17 ноя<бря>.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 12.

Год устанавливается по содержанию и по связи с письмом 26, см. также примеч. 1 к письму 26.

¹ Речь идет о корректуре второй части «Фауста» Гёте в переводе Фета. См. примеч. 1. к письму 26.

² В типографии А. Гатцука, расположенной в собственном доме на Никитском бульваре, недалеко от университета на Моховой, печатались первая и вторая части фетовского перевода «Фауста» Гёте.

28

Фет — Харузину

18 ноября 1882 г. Москва

Текст верен, но нужно еще раз мне проверить с исправленным экземпляром.¹ Просмотрите и пришлите ко мне, я до 8 вечера дома.

Ваш пред<анный>

А. Шеншин.

18 ноября.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 13.

Год устанавливается по содержанию и по связи с письмами 26 и 27.

¹ См. примеч. 1. к письму 26.

29

Фет — Харузину

Вторая половина ноября 1882 г. Москва

Вы вполне правы!
Много благодарный

Вам А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 10.

Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению с предыдущими записками (26—28). Очевидно, содержание этой, как и предыдущих записок, связано с участием Харузина в вычитке корректуры перевода «Фауста» Гёте, выполненного Фетом. В таком случае записку можно датировать второй половиной ноября 1882 г. Вторая часть «Фауста» в переводе Фета вышла в самом конце 1882-го или в начале 1883 г.: Фауст. Трагедия Гёте. Часть вторая / Пер., предисл., и примеч. А. Фета. М.: В типографии А. Гатцука, 1883 (ценз. разрешение: 28 декабря 1882 г.).

30

Фет — Харузину

27 декабря 1882 г. Москва

МОСКВА

ПЛЮЩИХА СОБ. ДОМ

№ 481.

Любезнейший

Михаил Николаевич!

27 декабря.

Сегодня собирались мы с Марьей Петровной поздравить матушку Вашу и любезную сестрицу с праздниками,¹ но так как вчера, во избежание всяких комментариев, я вынужден был обедать вне дома, то плачу сегодня за эту экскурсию головной болью, глотанием хины и усиленным постом. Все это не помешает нам лично засвидетельствовать всем вам наше уважение, очнувшись немного от той безудрядицы, которую называют праздниками.

Будьте здоровы.

Искренне уважающий

Вас

А. Шеншин.

Соловьев в Питере.² Надеюсь, что в воскресенье 2 января будет обедать у нас с Михаи<лом> Иванов<ичем>.³ Не придете ли?

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 14—14 об. На почтовом бланке с адресом.

Год устанавливается по штампу с московским адресом Фета, который в 1881 г. был иным.

¹ То есть с наступающими Новым годом и Рождеством.

² Имеется в виду Вл. С. Соловьев.

³ Очевидно, М. И. Хитров (см. письмо 13, примеч. 1). О восторженном отношении Хитрова к Вл. С. Соловьеву см.: *Лукьянов С. М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биографии. М., 1990. Кн. 1—3 (по указ.). Сведениями о том, навещил ли Харузин Фета, а также были ли на обеде у Фетов 2 января 1883 г. Вл. С. Соловьев и М. И. Хитров, не располагаем.

31

Харузин — Фету

25 апреля 1883 г. Москва

Собачья Площадь

в Москве.

18 $\frac{25}{IV}$ 83.

Христос воскрес!

Примите, глубокоуважаемый Афанасий Афанасиевич, мое, хотя запоздалое, но тем не менее искреннее поздравление со Светлым весенним праздником.¹

Все эти дни я не был в состоянии написать Вам, так как все время я хворал. Весна какое-то странное имеет на меня действие: непременно простудишься и захвораешь. Так и на сей раз я слег в постель, и что всего хуже — лишился возможности продолжать экзамены, несмотря на то что большинство из них я уже сдал с полным успехом, т. е. получил балл — 5.

Как поживаете Вы, многоуважаемый Афанасий Афанасиевич? — Петя Боткин сообщил мне, что Вы весьма много трудитесь, рано встаете и весь день проводите в литературных занятиях.^{а, 2}

Мне это известие доставило, конечно, много радости, так как я не только сочувствую Вам от всего сердца, но и стараюсь всегда брать Вас себе за образец при занятиях, ибо не видал человека, который бы

^а Далее с абзаца зачеркнуто: Вероятно

столь добросовестно и успешно умел трудиться, как Вы, несмотря на Ваши преклонные лета и на Ваше положение.

Итак, от всего сердца желаю Вам, глубокоуважаемый Афанасий Афанасиевич, здоровья, а вместе и успехов в Ваших литературных занятиях.

Прошу Вас передать глубокоуважаемой Марии Петровне, Ольге Ивановне и Александру Ивановичу³ мое глубокое почтение.

Мама и сестра⁴ шлют Вам свой сердечный привет.

Остаюсь глубоко Вас уважающий

Михаил Харузин.

На конверте:

Курская ж. д.,
станция Будановка — Коренная Пустынь.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.

Почтовые штемпели: Москва, 26 апр<еля> 1883; об.: Москва, 26 апр<еля> 1883.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 32—33; конверт — л. XI. На обороте конверта, в правой части, неизвестной рукой надпись карандашом: «Харузин».

¹ Пасха в 1883 г. пришлась на 17 апреля.

² В это время Фет трудился над завершением перевода Горация, которого намеревался издать целиком зимой. 14 апреля 1883 г. он писал Вл. С. Соловьеву: «Я на всех парах работаю над Горацием, и дело весьма спорится. Я так боялся эпод — по причине их формы, но теперь они у меня все за спиной» (см.: *ФетСб(2)*. С. 382. Публ. Г. В. Петровой). *Петя Боткин* — племянник Фетов, сын Д. П. Боткина.

³ О. И. и А. И. Иосфы.

⁴ М. М. и В. Н. Харузины.

32

Фет — Харузину

2 ноября 1881—1886 г. (?). Москва

Не желая задерживать посланного,¹ Марья Петровна искренно благодарит за портрет² и просит Вас обедать в пятницу, и я тоже.

Пре<данный> Вам
А. Шеншин.

2 ноя<бря>.

Печатается по подлиннику: ОПИ ГИМ. Ф. 81. № 99. Л. 11.

Датируется условно периодом между датой знакомства Фета с Харузиным и временем отъезда последнего в июле 1887 г. в Ревель по новому месту службы (см. во вступит. статье).

¹ Вероятно, записка передана с нарочным в тот же день.

² Скорее всего, речь идет о фотографическом портрете самого Харузина, местонахождение которого неизвестно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Харузин — М. П. Шеншиной

21 февраля 1882 г. Москва

Собачья Площадь

в Москве.

18 $\frac{21}{II}$ 82.

Многоуважаемая Мария Петровна!

Прошу Вас и от меня принять поздравление со днем Вашего рождения¹ и искреннее пожелание Вам всего наилучшего на новый год Вашей жизни. Долгом своим счел бы я поздравить Вас лично, если бы моя болезнь не была тому помехой. — Сыпь на лице усилилась и, — хотя оба приглашенные мною врача специалисты нашли болезнь неопасной, объяснив ее происхождение простудой на охоте, — я принужден, согласно их предписанию, сидеть безвыходно в комнате уже вторую неделю.

Прошу Вас передать мое приветствие и поклон глубокоуважаемому Афанасию Афанасиевичу.

До скорого свидания имею честь остаться с искренним почитанием уважающий Вас

Михаил Харузин.

Приписка. — Так как Александра Ивановича² увидеть до его отъезда в деревню мне, вероятно, не удастся, то прошу Вас передать ему мой сердечный поклон.

М. Х.

На конверте:

Ее Высокоблагородию
Марии Петровне
Госпоже Шеншиной.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 21. Л. 1—1 об.; конверт (без почтовых штемпелей) — л. 2.

¹ Харузин ошибся, Мария Петровна родилась 18 июля 1828 г., а именины отмечала 22 июля (см.: *ФемСб(З)*. С. 344). 22 февраля ст. ст. праздновались именины Фета.

² Речь идет об А. И. Иосте.